

Ярл

Автор:

Сергей Плотников

Ярл

Сергей Александрович Плотников

Как по заказу #5

«Ярл» – фантастический роман Сергея Плотникова, пятая книга цикла «Как по заказу».

Хочешь сделать хорошо? Сделай это сам. Разумеется, нужно было обязательно сначала три с половиной года помыкаться по чужому миру, чтобы это понять... Значит, тем более надо взять свою судьбу в свои руки! И захолустный медвежий угол, куда не дотягиваются загибающие лапы аристократов, никогда не добиралась проповедники Церкви, а о Повелителях Жизни и слыхом не слыхивали – самое подходящее для этого место. Конечно, местные пейзажи тоже имеют на твой счёт какие-то там виды. Но – чего они там такого, в конце концов, могут хотеть? Урожайность брюквы повысить? Можно и снизить, на пять минут в день. Только пусть отвальные потом не жалуются, что отлаженная и спокойная жизнь встала с ног на голову!

Сергей Плотников

Ярл

© Плотников Сергей

Пролог

И снова снег в лицо, и снова дорога стелется под лошадиные копыта, и снова деревья стеной справа и слева. Словно и не было года службы на заставе Сим...

– Неуютно как-то, – пожаловался кому-то за моей спиной Соболев. – Едешь – и ни Тьмы не знаешь, кто за тобой из чащи смотрит.

Высказывание было встречено дружным хохотом, даже я улыбнулся. Заявление, что среди стволов кто-то может прятаться, из уст человека, всю жизнь прожившего в лесу... Да, дорогого стоит. Лошадь, движущаяся по узкой лесной грунтовке неспешной рысью, фыркнула, прянула ушами, повернула голову, кося большим чёрным глазом. Пришлось наклониться вперёд и похлопать её по шее, успокаивая. Скотинка, куда больше наездников привыкшая к степным просторам, тоже нервничала. И если не успокоить вовремя, могла понести, сбросить, а то и чего похуже – ногу, например, сломать, запнувшись едва ли не на ровном месте.

С каким бы удовольствием я пересел с капризной в обиходе, требующей регулярного отдыха и питания и медленной кобылы на нормальную ездовую химеру! Но химеры не было, и потому мы уже пятый день тащились и тащились по лесной дороге приграничья на запад. Одно хорошо – в прошлом году я с Таней регулярно попадал в метель, переходящую в снежный шторм, да такую, что приходилось прятаться по трактирам, пережидая непогоду. А сейчас – едем себе и едем. То ли просто подфартило, то ли к западу от Горловины климат немного другой...

– Я слышал, это отвыкать от привычного долго и тяжело, а привыкать наново – быстро да просто, – успокоил земляка Баюн. – Ещё и жаловаться потом будешь: мол, пожил в степях всего ничего, толком и присмотреться не успел – уже назад...

– Твой язык – да Тьме в... – в сердцах заявил Соболь, но в последний момент вспомнил, что перед ним целый сержант рубежников, и осёкся. Пусть и практически родич, да только он – младший командир десятка, а сам лучник в рядовых. И все мы до сих пор состоим на действительной военной службе – пусть она и занесла нас к чёрту на рога. Точнее, меня занесла. Сами-то зарубежники, как ни крути, возвращались домой. Отсюда и шуточки, и в целом приподнятое настроение.

Не будь сейчас выплеска без выплеска, мы бы вообще не стали двигаться верхами через приграничье. Отвальные прекрасно прошли бы сами и провели меня лесами по окраинам Шрама... хотя, конечно, в таком случае никто бы мне тогда лейтенантское звание не дал и из Горловины не выпустил. Служил бы сейчас у Горца под рукой и постигал тонкости науки логистики. Но – вышло как вышло.

Моя кобыла громко всхрапнула и сбилась с шага, раз за разом прядая ушами. Пришлось натянуть поводья, одновременно вскидывая сжатый кулак: как я ни был плох в общении с лошадьми, всё-таки понимал их гораздо лучше, чем те же отвальные, которые и в сёдлах не сказать чтобы прямо уверенно держались. Смешки и разговоры мгновенно стихли, взамен послышались характерные звуки извлечения оружия. Я всмотрелся в близкий поворот, ничего не увидел, вслушался... подавил желание выругаться. Человеческие уши не улавливали ничего, и я даже знал, в чём дело: висящая между лапами елей белёсая дымка тумана надёжно глушила все звуки. Да чтоб вас.

– Спешиваемся и привязываем лошадей, – коротко приказал я. – Косточка, проверь, что за поворотом. Только аккуратно.

– Командир, – укоризненно пробурчал мне здоровяк прежде, чем беззвучно кануть в лесу. В отличие от Соболя штатному снайперу десятка почему-то не требовалось освежать былые навыки. Вообще-то я должен был послать Баюна – именно он у нас разведчик, но... Скажем так, даже при лейтенанте сержанту самому бегать не по чину. Это если официально. А если по правде – мы старались беречь только-только выкарабкавшегося после страшного магического ранения товарища. Пусть учебный бой он после выписки выдержал – не стоило подвергать организм экстремальным нагрузкам. Я постепенно, по одному убирал из его тела заклинания-закладки, независимо контролирующие работу отдельных органов, но в любой момент был готов вернуть всё как было.

Вот доберёмся до деревни, я растрясу местную колдунью (или кто у них там на самом деле зельями занимается) на предмет доступа к «живой воде» – может, удастся наконец полностью избавиться от магических «костылей»...

– Около четырёх сотен метров по дороге от поворота. – Косточка возник передо мной так же внезапно и беззвучно, как и пропал. – Мысль напала на группу из пяти всадников...

Понятно, можно не дёргаться. Гигантская плотоядная белка – хищник-одиночка, причём не из тех, что способен подкрасться. Спешить к месту схватки тоже смысла нет: или атакованные тварь завалят, или смогут оторваться, или у кого-то будет кровавый пир. Во втором случае есть шанс, что они помчатся в нашу сторону – и вот тогда имеет смысл чудовище встретить на подготовленной позиции...

– ...Один из всадников в белой хламиде вроде мантии, – мрачно конкретизировал снайпер. – И мысль... она к ним словно подойти не может.

Я прямо кожей почувствовал, как изменилось настроение моих подчинённых. Белые одежды в этом мире могут позволить себе только одарённые Светом. А с этой первостихией у зарубежных с недавних пор были особенно сложные отношения. С помощью неё нас спасли из безнадёжной ситуации... и одновременно лишили глаз всех, кроме меня. А Баюна – ещё и большей части органов брюшной полости, успевших переродиться под влиянием зелий и давления дикой магии. Всего лишь «дружеский огонь» при ударе по площади.

– Веди, – решил я. – Соболь, ты со мной, и арбалет возьми. Сержант, временная стоянка за тобой.

– Есть, – хмуро отозвался младший командир. Обсуждать или уж тем более оспаривать мои приказы ни у кого даже мысли не возникло. Косточка повёл нас через дикий, запущенный лес, явно никогда не знавший, что такое топор дровосека, словно мы и с дороги не сходили. Его соплеменник, несмотря на недавние жалобы, тоже умудрялся двигаться, почти не издавая шума. Да что там – он ещё и ворот умудрялся крутить, взводя мощную стреляющую машину и беззвучно матерясь сквозь зубы.

В фортах второй линии отряд Волчьей Погибели узнавали не только по меховым воротникам и моему плащу. Просто во всей Горловине было не сыскать бойцов, одновременно таскающих на себе лук и арбалет. Что поделаться, из положения лёжа стрелять из лука практически невозможно, а поползая, подбираясь к серым тварям, нам пришлось изрядно. Кроме того, арбалеты подходили для метания не только болтов, но и дымовых шашек – ещё одного оружия, которое мне пришлось «изобрести» и изготовить против стайных и крайне умных хищников. Чуткий нос – уязвимое место не только в плане получения механического урона, даже слабая концентрация раздражающих слизистые оболочки веществ в воздухе здорово нарушала координацию в стаях.

С арбалетами тоже пришлось повозиться: мне нужно было по-настоящему мощное оружие, в идеале – копия ренийской ручной баллисты, утраченной при взрыве. Увы, кузнецы и плотники в тыловой крепости просто не имели нужных навыков и материалов. Пришлось довольствоваться громоздкими и тяжёлыми упрощёнными копиями моих ренийских же машинок. Самострелы получились капризными, на оси роликов постоянно требовалось доливать масло, чтобы механизм не заел, а тетиву посыпать канифолью. Пружины не держали длительную нагрузку, теряя в силе, рычажную механику пришлось заменить на упомянутый ворот, не было предохранителя и системы удержания снарядов при стрельбе под углом к горизонту. Зато стреломёты получились мощные, едва ли не снайперские. И спокойно терпели негабаритный боеприпас вроде упомянутых шашек. Самое то, чтобы заставить белку размером с динозавра раптора переключиться на новую цель. Правда, убить одним выстрелом чудовищного мутанта можно только при большой удаче, но план на этот бой у меня был другой. В конце концов, лично у меня есть ещё более мощное оружие, и мне, вот оказия-то, как раз требовалось его испытать.

Ситуация на дороге к нашему возвращению ничуть не изменилась: четвёрка лошадей, один окровавленный лошадиный труп и пять человек. Четверо с пиками, пятый в сияющих белизной даже на фоне снега одеждах – без видимого оружия. Это он, кстати, зря: Свет прекрасно умеет напитывать предметы, которые можно использовать как проводник или излучатель магии. Недаром символом Белой Церкви служит именно меч.

Белка рыже-бурой громадиной топталась вокруг удачно остановленной группы. Те не могли сдвинуться – едва сдерживали находящихся в крайней степени испуга коней. А порождение Шрама никак не могло добраться до вождя.

живого мяса: противоположная благоприобретенной первостихия разрушала плоть Тёмных лучше кислоты гидры... точнее, должна была разрушать. Похоже, сил у клирика было всего ничего, точнее не сил, а силы. Силы воли. Именно на ней работал Свет, и я видел, на что он способен в нужных руках. Маша, мой бывший вассал, ныне Светлый Рыцарь, за несколько секунд наполовину прикончила, наполовину разогнала огромную стаю волков, которая до этого буквально смела мой отряд. Собственно, изменённые потому и боялись Света пуще огня... но тут, видимо, голод победил инстинкт самосохранения. Да и вообще мысль была какой-то худой, обтрёпанной и скособоченной – похоже, кто-то сильный задал твари хор-рошую трёпку, заставив сбежать за вал. Свите Белого сообразить бы бросить лошадиный труп монстру – может, отвлѣкшись на дармовую жратву, рапторобелка их бы упустила. Ладно. Работаем.

– Соболю, заряди твари болтом в голову, – обозначил цель я, расстѣгивая ремешок на кобуре.

– До мозга под таким углом не дойдѣт, в глазнице застрянет. – В своём умении выбить твари глаз стрелок не сомневался.

– Пойдѣт, пусть бежит на нас. – Я вытащил артефактомѣт, отжал предохранитель. – Проверим новую игрушку в деле.

* * *

Пускатель артефактов был, пожалуй, самым сложным дистанционным оружием из всех, что мне довелось использовать. Именно использовать, потому что если говорить о «держал в руках», то тогда первенство, несомненно, принадлежало луку. Кажется, палка и верѣвка – что там может быть такого-то? Никакой точной механики и уж тем более роликов, по которым скользит тетива в ренийских машинках. Но именно эта кажущаяся простота конструкции охренеть как много требовала от стрелка. И натяни тетиву правильно, и отпусти так, чтобы не засадить себе по пальцам или предплечью, и взятый прицел (про прицеливание вообще отдельная песня) удержи. Я, честно, лучше с механикой самострела возиться буду.

В артефактомѣте тоже использовалась достаточно тонкая и точная механика – обеспечивала подачу боеприпасов в ствол. И за ней тоже надо было следить – смазывать, чистить, не допускать попадания грязи и пыли. Кстати говоря, если

уж сравнивать с арбалетом – взведённый механизм «пистолета» не мог оторвать тебе засунутые не туда пальцы. Зато при боевом использовании убиться при помощи пускателя было раз плюнуть. Просто выстрелить во что-нибудь достаточно близко от себя.

Увы, я практически не интересовался современным оружием на Земле. Потому точно не могу сказать, как бы классифицировались снаряды, которыми стрелял артефактомёт. Но если подумать и напрячь память... Магический метатель, стреляющий взрывающимися при столкновении с целью огненными шарами вроде бы можно приравнять к гранатомёту с фугасным боеприпасом. Тогда пускатель артефактов будет... ракетной установкой с бронебойными боеголовками [1 - Правильно говорить «бронебойными боевыми частями», но простим Арну отсутствие знания терминологии.]!

Горец был столь любезен, что вместе с оружием передал мне и инструкцию по эксплуатации к нему. Блин, я едва не пустил прямо перед ним скупую мужскую слезу: довольно толстая книжица, заполненная не только текстом, но и схемами, вызвала неожиданно сильное чувство дежавю! Ещё бы упаковку добавить – и словно в земной магазин за дорогой статусной покупкой ходил... Гхм. Так вот. Инструкция к артефактомёту прикладывалась не просто так – она действительно нужна. Не понимая особенностей работы оружия, эффективно им воспользоваться можно только случайно. Зато – если при выстреле учесть все необходимые условия для успешного поражения цели – результат должен быть воистину впечатляющим. Ведь подобные, не побоюсь этого слова, орудийные системы создавались целенаправленно против самых сильных и опасных тварей Шрама!

Тренькнула и одновременно прошипела тетива – у блочных арбалетов своеобразный «голос». Хотел бы я сказать, что тяжёлый болт молнией мелькнул в воздухе – но нет, при стрельбе на большие расстояния проследить его полёт было вполне по силам. Вот снаряд достиг максимальной высоты пологой траектории, остриё болта чуть наклонилось вниз... и пробило рыже-бурому чудовищу орган зрения. Что ж, я ничуть и не сомневался.

Отвальные – мастера стрельбы из мощных луков, потому новое для них оружие освоили во время охоты на волков очень быстро. А Соболь, кроме всего прочего, был вторым штатным снайпером десятка разведчиков, потому без проблем сумел просчитать движение твари и взять нужное упреждение. Правда, как я и

предполагал, ранение рапторову белку не только не убило, но и даже особо не повлияло на здоровье. Зато ещё больше разъярило! Мгновенно определив, откуда пришла новая угроза, тварь с громовым цокотом бросилась на нас. Благо мы все втроём в полный рост стояли посреди пустой дороги – сложно не заметить. А вот теперь мой выход.

Главной особенностью артефактомёта являются его боеприпасы – как я понял из инструкции, сам «пистолет», за вычетом механики подачи снарядов, конструкцией начинки достаточно сильно напоминал обычные магические метатели. В том числе собственный встроенный аккумулятор имел, который нужно было держать заряженным для обеспечения как выстрела, так и привода механизмов. Видимо, не такая большая была разница, что выкидывать из ствола при нажатии на спуск: сгусток Стихии или материальный предмет. Зато после выстрела картина менялась.

Артефактомёт не просто так назывался ещё и «пускателем» – именно это слово, «лаунчер», если на английском, используют в описании всяких базук в компьютерных игрушках. Снаряд пускателя являлся... ну да, ракетой. Разве что не химической, а магической. И это – та самая причина, почему подобное оружие стоит столь неприличных денег, что только некоторым королям да ренийским охотникам по карману.

Давление дикой магии и выбросы Стихии телом мутанта могут свести на нет ударный потенциал любой магии – она просто дестабилизируется и разрушается. Например, на заставе я толком не мог стрелять из своего метателя – плазменный заряд детонировал сам собой в считанных метрах от меня. В итоге, чтобы убить нарийского тигра, мне пришлось по сути дела подорвать самого себя... брр, как вспомню – так вздрогну. Или вот когда Марат попытался с ходу прикончить болотного секача, «удачно» вылезшего прямо перед решившим поохотиться герцогом Эдмондом де Бергом, и не смог. Целый мастер Огня, магистр, боевой в полном смысле этого слова маг облажался, каково? А вот у артефактной ракеты такой проблемы не было. Просто потому, что Стихия не образовывала магические конструкты, а использовалась сразу же, на месте высвобождения из накопителя.

Я спокойно выждал, пока мысль не преодолеет половину расстояния между группой клирика и нами, и только после этого поднял артефактомёт на уровень глаз, совмещая мушку и целик. Благо приобретённые навыки арбалетчика так и тянули навести прицел на голову твари, но я, помня инструкцию, выбрал центр масс – примерно середину тела мутанта. И нажал спуск.

Отдачи почти не было, а из внешних эффектов наблюдался только относительно негромкий хлопок. Зато визуально выстрел прекрасно наблюдался – дульный срез и белку соединила золотистая идеально прямая нить, словно я выстрелил не снарядом, а лазерным лучом [2 - И опять простим Арну прогулянную в школе физику, а сценаристам спецэффектов фантастических фильмов и компьютерных игрушек – желание сделать выстрел более зрелищным. Разумеется, никакого луча при выстреле из лазера ГГ не увидел бы, разве что попытался бы стрелять через дым или туман. Впрочем, для наблюдения подобного эффекта лазерного пистолета не нужно – достаточно будет обычной лазерной указки.]. А потом тварь просто лопнула. Взорвалась изнутри. Воздушная волна мокрой тряпкой шлёпнула по лицу, заставив поморщиться, что-то влажно плюхнулось на нагрудник.

Я покрутил в пальцах снятый с брони сочащийся кровью кусочек рыжей шкурки и отшвырнул в сторону. Зарубка на будущее: стрелять по возможности из-за преграды, а то может чем похуже в следующий раз прилететь. Зато теперь можно и с клириком нормально поговорить – в смысле, все шестеро будут пытаться свалить в туман от страшного меня как можно скорее. Как удобно: один выстрел – и никаких вопросов, почему у моих спутников такие странные жёлтые глаза и что делает лейтенант рубежников в стороне от Горловины.

Конечно, документы в порядке, так что Белый как бы и так не должен был ко мне лезть. В теории. Валериан во время нашей первой встречи с отцом Митчеллом не так много успел провякать прежде, чем Маша его приложила, но я всё равно запомнил. Церковники, особенно низовые одарённые клирики и недоучки-недопаладины все как один уверены в своей правоте – они же носители Света, за ними Правда! Пусть они стараются не демонстрировать своих убеждений, но нелетальная магия просто провоцирует «светить» направо и налево, если повод найдётся. Ведь когда у тебя в руках молоток, то волей-неволей начинаешь смотреть на окружающих как на гвозди. Сам подобное иногда чувствую... Конечно, демонстрация стоила мне кучи золота, но всё равно незнакомое оружие надо было испытать. А тут удобно – эффект два в одном, можно сказать, даже немного сэкономил... Тьфу.

* * *

Насколько же проще даже с бессловесными химерами! Лошади вновь зафыркали и заартачились посреди дороги, и опять пришлось высылать разведку. В этот раз Косточки не было минут сорок, я даже начал слегка волноваться. Но снайпер вернулся целым и невредимым.

– Добрался до самой «Берлоги». Путь чист. С корчмой тоже порядок... вроде бы. За околицу не заглядывал.

Я достал из седельной сумки уже порядком потрёпанный атлас, взвесил в руке, не раскрывая. Беззвучно прошептал парочку самых крепких словечек из числа любимых капитаном Бассом. Единственное, что меня останавливало от выбрасывания этого сборника фантазий гильдии так называемых картографов в ближайшие кусты, были мои заметки и правки, собственноручно внесённые за несколько лет. Если верить находящимся внутри «картам», до нашей промежуточной цели – корчмы «Берлога» – оставался ещё полный день пути. День! С точностью у собранных в книжку планов местностей и раньше были изрядные проблемы – вплоть до отсутствия прекрасно себе существующих в реальности полноводных рек. Но вот чтобы настолько масштаб исказить – это прямо рекорд.

– Точно «Берлога»? – Из всех «моих» зарубежников только Баюн и Филин бывали в этом заведении. К сожалению, собственно дальше корчмы разведчик из Звонких Ключей в приграничье ни разу не заходил, а что касается Филина... степь пухом павшим.

– Всё как ты описывал: частокол восьмигранником, одни ворота закрытые, над центральной хороминой шпиль с жестяным медведем, – послушно перечислил десятнику результаты наблюдений Косточка.

– Похоже. В этих краях только Урса настолько на голову ударенный, чтобы залётных дворян подобием герба дразнить, – поморщился отвальный, а мне сразу вспомнился другой корчмарь, держащий заведение в приграничье недалеко от Лида. Н-да, это у них что-то вроде профдеформации – демонстративно знать не любить. Ну-ну.

– Раз всё нормально – едем, – поглядев на низкие тучи, разродившиеся ещё одной порцией мокрого снега, прервал общение подчинённых я.

Ещё прилично не доезжая до местного аналога мотеля пополам с укреплённым фортом, я понял, чего так нервничали лошади: запах сгоревшего масла, дерева и ещё какой-то неопознанной, но вонючей органики пропитал весь лес на несколько километров окрест. А когда показалась корчма, стал понятен и источник этих ароматов: высокий частокол, весь в подпалинах и копоти. Судя по состоянию близлежащих к стенам деревьев (метров эдак тридцать, если что, ближе всё было вырублено), от растёкшейся огнесмеси им тоже досталось. Да, владельцу «Берлоги» явно пришлось принять бой – да такой, что на горячем не сэкономили!

Ворота, несмотря на то что день ещё не закончился, оказались заперты, и разглядеть, что творится внутри, было решительно невозможно. Но я предпочёл для себя решить, что лёгкие сизые дымки над самыми кончиками крыш – от печей, а не оттого, что внутри до сих пор что-то тлеет. Вроде бы и какие-то мирные звуки из-за забора едва-едва доносились, на которые вряд ли способна проникшая внутрь и сожравшая защитников тварь. Вот только караульного на галерее тына чего-то не видать – и это плохо. Либо выставить оказалось некого, либо на радостях не озаботились – что ещё хуже.

Как я уже упоминал ранее, из-за выплеска без выплеска нам пришлось сделать изрядный крюк, добираясь до нового (для меня) места службы. Собственно, только потому нам доверили казённых лошадей, ну и ещё для того, чтобы я побыстрее убрался на фиг из Горловины. Но, разумеется, разбазаривать армейское добро нам никто разрешения не давал: лошадей предполагалось вернуть с очередным караваном к отвальным. Собственно, в деревни – опорные пункты логисты лично наведывались редко и исключительно за скоропортящимися зельями, только тогда протаскивание лошадей через чащи зарубежья окупалось сторицей. А так зарубежники сами доставляли в корчмы, подобные «Берлоге», свои товары, производили мену и забирали инструменты и изделия из «большого мира».

Процесс был давно отработан, потому при корчмах располагались конюшни, в которых транспорт мог простоять нужное время, обеспеченный едой и заботой.

Конь – он ведь не машина и в случае ранения или болезни не может быть отремонтирован за пару часиков или взят на прицеп... если у вас, конечно, нет мага Жизни под рукой. Но кем надо быть, чтобы использовать виталиста как ветеринара? Хотя... Хм, если бы я успел перевестись к Горцу, то я вполне мог бы им стать, так сказать, на полставки.

Лечить – это без всякого преувеличения стало моей второй натурой. Я начинал работать с любым человеком рядом со мной едва ли не рефлекторно, стоило мне заметить рану или недомогание. Особенно это сильно стало проявляться в последний месяц службы: дневные охоты и ночные работы в лазаретах выматывали до крайности, процесс исцеления был поставлен на поток, и мне волей-неволей пришлось наработать типовые действия при переходе от одного страждущего к другому. Да что там, я едва не «сорвался», пока клирик и его свита торопливо проезжали мимо меня – мысль, оказывается, успела ещё двоим оставить убедительные царапины...

– Кого там ещё принесло? – наконец-то «проснулся» часовой, которого, как оказалось, корчмарь всё-таки выставил. Может быть, действительно именно проснулся – больно смачными подвываниями сопровождался невидимый зевок. Хм, или старательно сделал вид.

– Свои, открывай, – глянув на меня и получив кивок, отозвался сержант.

– Свои сейчас дома сидят, а не бродят среди «удовлетворённых любовью» тварей! – с наслаждением отозвался наблюдатель. Теперь я расслышал, что голос молодой, принадлежит подростку. Что интересно, высовывать голову над частоколом он не спешил.

– Скажи Урсе, Баюн тут, – не пошёл на поводу у желающего почесать языком молодого отвальный.

– Чё, правда Баюн? – раздался с монументального забора у ворот другой голос, уже принадлежащий взрослому мужчине. – А ну, мил человек, подъедь-ка поближе да лик свой кажи.

– Урса, ты совсем охренел, что ли? – Мой подчинённый не обиделся, а удивился. Стукнул пятками бока лошади, заставив подъехать к самому частоколу,

расстегнул ремешок шлема, стянул металлический горшок с головы и посмотрел вверх. – Ну, теперь признал?

– Ух ты, никак и впрямь Баюн! – явно обрадовался корчмарь. – Вот чудо чудное, без бороды да ещё чугунок на уши натянул. Вот что с человеком-то армия творит...

– Урса, открывай уже, раз признал. Идиот ты клинический... – Зарубежник осёкся и кинул на меня косой взгляд. Я только еле слышно хмыкнул: как сам набрался словечек от подопечных, так и они от меня.

– И новые ругательства выучил, – глухо, уже из-за створок пробубнил собеседник. Грохнул тяжёлый запор, потом ещё один – и ворота начали раскрываться. – Слова хульные, значит, домой приносить – то добре, добре!

– Добре! – передразнил корчмаря сержант. – С каких это пор ты гостей у дверей держишь?

Часового я разглядел, проехав с остальными внутрь двора: подросток, почти пацан продолжал посматривать на нас с галереи у ворот.

– Да ходють тут всякие, – почему-то отвёл глаза местный хозяин.

– Клирик Белых? – предположил я. Створки ворот мне сразу показались какими-то слишком новыми, но я было подумал, что их успели попросту заменить, поскольку старые слишком сильно пострадали от огня. Ан нет, просто кто-то не захотел ручки запачкать, стучась.

– Так, а ты кто таков? – переключился на меня трактирщик. – Те четверо ключевские, я ихнего брата насмотреться успел. А вот ты явно не из нашевских.

– Урса, дятел ты на всю голову тр... трудолюбивый! – И жест рука-лицо Баюн тоже определённо у меня подсмотрел. – Это же наш командир – шеврон на рукаве не видишь?

– Чтоб я ещё в ваших закорючках разбираться надумал, – напоказ фыркнул мужик, наваливаясь на створку. Зарубежники, успевшие спешиться, без слов

помогли ему. – Ну и зачем вы притащили своего ко-ман-дира с собой на побывку?

– Потому что мы не на побывку, – опять вмешался я, незаметно сделав знак рукой остальным не встречать. – Мы – новый гарнизон Звонких Ключей.

– Ах во-от оно чо-о... – как-то по-особенному почти пропел трактирщик. И мне сразу многое стало понятно.

Надо признать: готовясь к отъезду, я совершенно упустил из виду один момент. А именно – взаимодействие с местными. Точнее, я про это подумал... секунд пять... и мысленно свалил всё на друга-сержанта. Не то чтобы я не собирался исполнять свои обязанности – они были такие, что контактировать с жителями Ключей для этого особо не требовалось. А если и потребовалось бы вдруг (ну мало ли?) – завоевать расположение селян проще простого: доступный в любой момент для обращения «личный» маг Жизни дорогого стоит. В общем, я все дни пути отдыхал, мысленно составлял себе расписание самостоятельных занятий, работ и экспериментов, прикидывал, как добывать необходимые ингредиенты, написал прямо в седле по письму Тане с Роной и Маше и совсем не думал, что конкретно я буду делать на месте. А зря. Потому что Урса был только первой, так сказать, ласточкой. Точнее, ж-жирным таким бакланом, который мог очень здорово подпортить мне дальнейшую службу.

Имя корчмаря, как вы уже догадались, переводилось как «медведь» – видимо, оттого берлога, и пресловутый жестяной флюгер-«герб». На хозяина тайги мужик действительно чем-то походил: такой же здоровенный и брюхо себе наел, словно на зиму собирался спать завалиться, аж рубашка не сходилась, выставляя между деревянными пуговицами обильно поросшее бурым волосом брюхо. Отдельного описания заслуживала морда – да-да, морда, а не лицо. Наглая, хитрая морда очередного высокорослого скота, возвышающегося надо мною на целую голову. И поперёк этой морды было прямо во-от такими буквами написано: как бы кого обмануть!

Знал я такой тип людей – с теми, кого они считают своими, они более-менее честны. А вот чужаков постараются обмануть и одурачить из принципа – если, конечно, с этого можно нажиться. Почему? А потому что – почему нет? Любимый приём на все претензии – надвинуться на обманутого с наглой улыбкой и спросить: «Ну и чё ты мне сделаешь?» Баюн обозначил меня как командира – и в

хитрой, но не самой умной башке Урсы уже замкнулись нужные контакты. Раз чужак главный – ему и отвечать. А потому караванщикам будут предъявлены честные глаза и вопрос «какие лошади?» Конечно, можно дать отмашку сержанту, чтобы он прояснил не товарищу гостиничному работнику всю глубину его заблуждений, но... Зачем? Есть способ проще. Помните про молоток и гвозди?

– Урса, раз мы теперь будем сотрудничать, хочу сразу кое-что прояснить, – постаравшись состроить максимально доброе лицо, сказал я. Улыбочка корчмаря слегка померкла, похоже, он даже что-то почувствовал свои звериным чутьём, вот только не разобрал что. – Если вдруг пропадут кони или у службы логистики выйдет ещё какой ущерб... я тебе кишки вытащу. Вот так.

И в подтверждение своих слов без особых усилий пробил ему сложенной «лодочкой» ладонью объёмный живот.

Я ведь уже сказал, что последний месяц мне приходилось много лечить? Когда на лазарет с тридцатью гвардейцами нужно потратить три часа и ни секундой больше, иначе просто поспать и поесть будет некогда – волей-неволей отработываешь типовые приёмы, позволяющие всё делать быстро. Вот так я научился обходиться без скальпеля, когда требовалась полостная операция – Жизнь ведь вполне позволяет заставить клетки кожи расступиться под пальцами. Во всяком случае, если солдат не имеет латентной одарённости, это можно проделать быстро и просто. Не самое аппетитное зрелище, согласен, но приём позволяет сэкономить несколько минут и не возиться с дополнительным острым предметом в руках. Худший кошмар хирурга – забыть что-нибудь в больном, а я иногда проводил процедуры в состоянии, когда лучше не рисковать подобным.

Урсе в каком-то смысле повезло – я ведь его именно превентивно поугагать решил, а не убить. И даже болевые ощущения убрал раньше, чем они дошли до мозга больного. Зато без труда нащупал толстую склизкую «трубу» двенадцатиперстной кишки и подёргал, сугубо для иллюстрации своих слов. Впечатления, если кто не знает, пациент при этом испытывает бесподобные – внезапно узнает, что у него внутри что-то есть. Пока пройдоха, наконец осознав случившееся, стремительно белел (не от потери крови, должен заметить, он сам справился), я бездумно выплеснул немного Стихии для диагностики – когда делаешь одно и то же сотни раз, оно выходит само собой. Хм, вот и отклик... ага,

почка. Правая.

– Я рассчитываю на долгое, честное и плодотворное сотрудничество, партнёр, – с чувством сказал я, вытаскивая руку и срачивая брюшную стенку. Лёгкое движение кистью – и свернувшаяся кровь вместе с остатками иных жидкостей пылью облетела с моих пальцев. Взяв в левую руку безвольную ладонь трактирщика, я правой вложил туда приличных размеров почечный камень. – А это, так сказать, в залог. Почки больше болеть не будут, но ты всё равно береги здоровье, партнёр. Лишний вес, что ли, сбрось для начала...

Урса посмотрел на грязно-серый камешек у себя в руке, потом на меня – и рухнул на спину как стоял, в полный рост. Обморок. Какие все нежные, блин.

* * *

– ...То, что чудящи неладное затеяли, я давненько понял. Не только я, вестимо. Крапива, когда в крайний раз гостевал, жаловался – лещина с кедровицей уродилась, а собрать толком не успели [3 - Если кто не знает, у дикорастущих орехов чередуются урожайные и неурожайные года. А раз в несколько лет бывает по-настоящему большой урожай – это зависит от погодных условий в период формирования завязей. Лещина таким вот циклам подвержена сильнее, кедр – слабее.]. Твари едва ли не табунами бродят, хоть целый день на дереве сиди. Ночью-то понятно, не до орехов...

– Как там дома? – нетерпеливо перебил Соболь, за что заслужил недовольный взгляд от Баюна. Трактирщик, которого прервали, тоже что-то хотел сказать торопыге и явно не «спасибо за ваш вопрос», но запнулся, встретившись глазами с рядовым.

– Никак не привыкну к этим вашим гляделкам новым, – пожаловался Урса, зябко передёрнув плечами. – Нет, оно понятно, что лучше так, чем навеки с Тьмой-госпожой обниматься, но вот поверь, гляну – и прям не по себе.

– Что-то ты раньше не был таким чувствительным. – Тема насчёт трансплантатов, как нетрудно догадаться, для «моих» зарубежников была больной. Неудивительно, что Баюн отреагировал, скажем так, резковато.

– Да вот о ж-жизни задумался, о годах пролетевших, – обозначив движение в мою сторону, но так и не рискнув поднять глаза, признался мужик. Хорошо его пробрало моё внушение. До печёнок. В прямом смысле слова.

– Так что с нашими Ключами? – напряжённо переспросил второй снайпер, проигнорировав неинтересный ему обмен репликами.

– Ты сам подумай-то, – прогудел Косточка коллеге по военно-учётной специальности, оторвавшись от глиняной кружки со сбитнем. – Раз Крапива крайний раз на орехи жаловался...

– На тварей, – поправил его сержант.

– ...То мнится мне, другого – серьёзного – повода не было, – закончил отвальный свою мысль.

– О семье волнуюсь, – признался Соболев, схватившись за свою кружку, как за спасательный круг.

– Всё волнуются, – отрезал Баюн, кивнув в сторону Репея и Рыкова. Те молча цедили свой напиток, и по лицам было заметно – думают вовсе не о цветочках. После памятного боя под стенами фортов второй линии рядовые словно совсем разучились говорить, по необходимости обходясь лишь скупыми репликами. – Завтра с рассветом выйдем и послезавтра сумерками в деревню войдём. Урса, ты продолжай сказывать, продолжай. Мы слушаем.

– Да чего продолжать, – поморщился корчмарь. – Сначала погани всякой в лесах окрест прибавилось, будто уже середина зимы. Потом, как осень на излом пошла, чудища к самой ограде полезли, особенно ночами. Стрел извёл и масла – я-то не как вы, в темноте ни зги не вижу. Сторожу пришлось выставлять да самому мокнуть-мёрзнуть... Ну и движение по тракту-то совсем того. Только и были, что два поезда [4 - Слово «поезд» появилось значительно раньше, чем железная дорога, с которой теперь поезда неразрывно ассоциируют. Поезд от каравана отличается тем, что это стихийно организовавшаяся группа повозок, движущаяся друг за другом, зачастую случайные попутчики вообще имеют различные конечные цели своего движения.] от соседей. А третьего дня...

– Что – третьего дня? – не дождавшись, пока гостеприимный хозяин продолжит, переспросил зарубежник.

– Да не знаю я, – раздражённо махнул рукой трактирщик. – Медвежонок, сынок мой, говорит, что это барсуки были. Может, и барсуки – поди разгляди. Подошли к частоколу и, не крутясь-вынюхивая, сразу вверх полезли. Медленно, правда. Мы их маслом – а они лезут. Горят – и лезут! Только когда стена занялась прямо под ними, срываться начали. Так в это время в другом месте какая-то ещё тварь едва не влезла!

На некоторое время воцарилось молчание – собственно, что тут можно было сказать? Разве что в очередной раз выдать пару бессмысленных сквернословий про Шрам, дикую магию и тварей? Лично меня во всём рассказе заинтересовала даже не устойчивость изменённых к воспламенённой огнесмеси, а то, почему они срывались именно после возгорания частокола. Впрочем, именно эту загадку я решил прямо на месте: когти. У барсуков просто прогорали острые кончики когтей, не защищённые огнеупорной шкурой. М-да, очередная иллюстрация, что абсолютной защиты, как и абсолютной силы, не существует...

Жена Урсы принесла первое, потом второе, вместо сбитня на столе появилось самоваренное пиво – и только после этого разговор неохотно потёк вновь. В общей зале харчевни так и не прибавилось народу, хотя я мельком видел во дворе ещё как минимум троих. Скорее всего, таких же «лесников», как в корчмах по ту сторону к востоку от Горловины – зимой они и так обычно сидят без работы, за хлеб, стол и деньгу малую помогая защищаться от тварей бесстрашным воротилам местного гостиничного бизнеса. Видимо, моя демонстрация возможностей магии Жизни вышла чересчур уж наглядной. И как разглядели-то – на всё про всё меньше минуты ушло...

– ...Сам знаешь, мы всех привечаем, тут по-другому никак. Все под Тьмой-госпожой ходим. – Похоже, хозяин корчмы сугубо от переживаний слишком налёг на пиво. А может, на радостях: мочекаменная болезнь не тот недуг, что позволяет без последствий перегружать работой почки. А тут такая оказия: организм подлатали. – Даже вшивых плащеносцев за ворота считанные разы выставлял – остальным ума-разума хватало спесь свою засунуть куда подальше. Не выжить иначе в наших краях. Потому клирику тому я сам ворота открыл безо всякой задней мысли. Ещё порадовался: раз Белый по дороге прошёл, может, кто ещё за ним увяжется: тварей-то он точно подразогнал...

– Ну да, как же, – фыркнул в свою кружку Соболев. – Видели мы, как он «подразогнал».

– ...Ещё, признаюсь честно, на литургию рассчитывал. А уж я бы в долгу не остался – и с печевом-варевом, и бочку с вином не пожмотился бы выкатить за такое-то... – Урса рефлекторно потёр бок под столом и дёрнулся, кинув быстрый взгляд в мою сторону. – Я же не знал, что г-господин офицер п-приедет и меня р-раз – и излечит!

– Товарищ. Надо говорить – товарищ, – Баюн тоже глянул в мою сторону, но я сделал вид, что занят собственной кружкой. После годового перерыва на одной самопальной браге да самогоне не самый любимый мой прежде напиток пился легко и с удовольствием. Впрочем, как и квас до того, а после – сбитень. Блин, после службы на заставе затерянная в приграничье корчма – уже прямо как центр цивилизации! На упомянутое вино, что ли, трактирщика раскулачить? Всё равно напиться мне не грозит, хоть всю бочку выпью в одно горло. – А что церковник?

– Да ничего! – в сердцах хватанул по столу кулаком мужик, отчего столовые приборы аж подпрыгнули и забренчали. Урса тут же испуганно сжался, ожидая моей реакции – при его габаритах выглядело довольно забавно. Пришлось снова сделать вид, что ничего не заметил. Впрочем, корчмарь всё равно понизил голос, пересказывая обстоятельства встречи: – Обычно как нормальный странник делает? Под крышу да честным образом пищу вкусить, а может, и в баньку – того. А этот прямо во дворе начал у меня выпытывать, что да как. С неба крупа мокрая сыплет, а ему хоть бы хны: расскажи про то, сколько путников в сезон проходит, а сколько караванов? А лесорубов сколько с тобой дела ведёт? Я-то поначалу ничего не заподозрил, как есть всё говорил. Честный я – вот что мне скрывать?

Тут я едва не выплюнул назад только что отпитое пиво. Образец честности, блин!

– Но когда он про дворян начал меня спытывать – вот тут я напрягся! Мол, знаю ли, на чьей земле моя корчма, да как короля зовут? А как про сборщика налогов завёл, я ему прямо так и сказал: иди, добрый человек, не доводи до греха. Честно – я бы и стрелу не пожалел в затылок пустить, да и спутничкам его – хватило бы рук луки держать, коли он Светом мне ещё сначала ворота не почистил. Не это – так точно решил бы, что ряженный какой.

Ага, ясно. А на мне, значит, Урса решил за потрёпанные клириком нервы отыграться – типа чужак за чужака. Но Белый тоже хорош – вот как можно было про налоги прямо так в лицо ляпнуть? Хуже, чем мать хозяина придорожного гостиничного комплекса шлюхой обозвать. Потому как излишняя благосклонность к мужчинам – дело житейское, а вот деньги для свободного предпринимателя, точнее возможность распоряжаться ими полностью самостоятельно – самое святое!

Хм. Судя по манере опроса-допроса, клирик явно не по своей инициативе появился – скорее всего, кто-то из Белых затеял своеобразное социальное исследование. Причём из тех, что про приграничье не особо в курсе. Церковнику, которого я встретил и отбил у рапторобелки, похоже, крупно повезло: одарённых Светом в приграничье очень уважают, но за покушение на свободу готовы в прямом смысле порвать, невзирая ни на что. Иначе бы живущие близ Шрама люди не мирились с опасностями приграничья. Тем более свалить убийство на тварей вообще ничего не стоит. Странно, как церковник ещё раньше стрелу не словил... Стоп.

Я покрутил в голове обстоятельства встречи с Белым и его отрядом так и эдак, складывая вместе все странности. Мысль как-то подозрительно настойчиво пыталась добраться до мяса, невзирая на Свет, от которого обычно твари бежали куда пуще, чем от огня. Не потому ли, что кто-то из ранее опрошенных в качестве ответной любезности, например, подлил втихаря в одну из седельных сумок свитских маркерного состава? Ну или не знаю, овёс полил, которым лошадей попотчевали – не все такие прямолинейные придурки, как Урса. Я помню, как мы разливали эту гадость в степи, чтобы изменённые двигались именно к заставе, а не куда-нибудь ещё: мутанты, стоит им почуять эту жидкость, проявляли весьма настойчивый интерес. Мы даже без боя отступить смогли – и это весной, когда все чудовища успели наголодаться... и запаха, доступного для человеческого носа, от маркерного состава не было. Идеальное преступление, да и только! А вот действия неведомого иерарха Белых...

Я мысленно хмыкнул. Большая организация, распараллеливание процессов без чёткого разграничения обязанностей. Похоже, кто-то решил выслужиться, причём кто-то, ни разу отношения к приграничью не имеющий. Уверен, тот же отец Митчелл, ставь он задачу, никогда такой ошибки не сделал бы. А теперь только целый регион зазря напрягли... или не зазря, а специально? Войско Рубежа связано с деревнями зарубежных довольно плотно, а зарубежники, в свою очередь, имеют плотные взаимовыгодные контакты с жителями свободной

от власти королевств полосы по эту сторону вала. Церковь, похоже, что-то затеяла в Горловине, и создать лишнюю точку напряжения для командиров Войска может быть выгодно. Или нет. Чёртова политика. Одна надежда – до меня по ту сторону вала она добраться не должна, а я завтра сваливаю. М-мать. Вот ведь не было печали...

* * *

И опять дежавю. Самое смешное – три года назад мне и в страшном сне не привиделось бы, что я буду ностальгировать по временам наших первых охот с Машей и Роной! Но – вот. Соскучился по своим девчонкам настолько, что готов затащить их на всем сердцем ненавидимую работу, лишь бы только встретиться. С другой стороны – что мне теперь твари около Эрста? Да и Машу сами изменённые по большой дуге будут обходить – так что Фирониэль с нами точно была бы в безопасности. А вечером у костра сидели бы и слушали её чарующий голос под аккомпанемент неизменного банджо...

Зимний лес всё же по-своему красив, хоть и не сравнится с летним. И уж точно лучше, чем степь в любое время года! Но когда идёшь по нему километр за километром, в какой-то момент перестаёшь отмечать взглядом всё же довольно однотипные пейзажи, и время помечтать находится. Если, конечно, имеешь привычку вовремя перешагивать через упавшие стволы или пригибаться под низко нависшие ветви, не задевая навешенной за спиной поклажей и оружием.

Но если мне ещё приходилось временами напрягаться на сложных участках рельефа или искать проходы в сплошных зарослях подлеска, то отвальные и вовсе скользили через влажную и холодную чащу, словно тени, свободно и почти не издавая звуков. Я уже видел, как это делает Косточка, но после нескольких часов в темп включились все стрелки, будя во мне лёгкую зависть. Ну и разумеется, у нас не возникло ни единой проблемы обойти не таких уж многочисленных здесь, по внешнюю сторону от вала, тварей.

Чтобы вычислить мутанта в лесу, следопытом быть не надо от слова совсем. Чудовища не стеснялись использовать свои размеры, чтобы пробивать в кустах настоящие просеки, оставляли глубокие и хорошо заметные ямы следов. Травоядные, если не особо куда-то спешили по своим делам, вообще сжирали всё на своем пути вплоть до тонких деревьев, походя разбрасывая пахучий помёт. Хищники к принятию пищи и обратному процессу относились более

деликатно, но и тут размах, так сказать, мероприятий сводил на нет все попытки скрыть свою деятельность. Ну и мелкие, не улетающие в тёплые края птицы вроде наших земных синиц, изредка твикающие в ветвях, немедленно замолкали, если рядом появлялось порождение Шрама, и спешили убраться прочь. Даже просто внимательный человек, ни разу не привыкший к жизни в лесу, очень быстро учился обращать внимание на такие заметные «мелочи»...

Привал мы заранее договорились не делать, чтобы добраться до места ночёвки пораньше. Тем более на последний участок пути выпадал подъём на вал. Километр вверх – это в среднем около пяти километров под хорошим таким уклоном. Ещё не альпинизм, но уже почти, особенно зимой. Внешний склон хоть и южный, то есть вроде как тёплый, но и на нём, бывает, настоящие сугробы по многу дней лежат, а как начинают таять – вниз бегут многочисленные, иногда далеко не узкие и маленькие ручьи. Лес, кстати, на склонах редееет, попадаются камни и скальные «лбы», а потому риск наткнуться на тварь раньше, чем она себя обнаружит, существенно возрастает. Правда, даже изменённые животные предпочитают переходить естественную преграду магической аномалии по распадкам, где более полого и высота всё же хоть чуть-чуть да поменьше... В общем, то ли навыки зарубежников сработали, то ли выверенный несколькими поколениями жителей Звонких Ключей маршрут не подвёл, но мы поднялись почти до самого гребня вала без проблем. Почти – потому что немного ниже верхней точки нас ждала... ну пусть будет – пещера.

– Ну ни хрена ж себе! – Я повыше поднял алхимический фонарь, лишь каким-то чудом не утраченный вместе с остальными ценными вещами на заставе Сим. Наверное, потому, что он лежал в одной сумке с моими бумагами – алхимтопливо на Рубеже было не достать, и я как-то привык обходиться привычными масляными лампами. А тут ни масло, ни дрова жечь было нельзя – иначе, как объяснил мне Баюн, вся запаховая маскировка пошла бы насмарку. – Даже спрашивать не буду, как это всё можно было сделать скрытно.

Мощные крепи из потемневшего дерева удерживали высокий потолок. Кое-где было заметно, что раньше тут всё-таки была естественная ниша в камнях, но человеческие руки потрудились на славу, создав в итоге впечатляющую инженерную конструкцию. Такую, что можно и зимой было переночевать, не рискуя околеть без огня, и пересидеть опасность, и хранить кучу наверняка нужных и полезных вещей. По крайней мере, не просто же так отвальные сюда натащили бочек и ящиков, а вдоль стен собрали просторные стеллажи.

– Делали не торопясь, мало-помалу, да основательно. Себе, детям, внукам – и так, чтобы внукам внуков хватило, – не смог скрыть гордости сержант. – На том стоим и стоять будем. Иначе давно бы конец отвальным настал.

Зарубежник помялся, оглянулся на устраивающихся в специально отведённой под ночлег конструкции из шкур на рамах соплеменников и, понизив голос, перешёл наконец к делу.

– Арн, я, это, что сказать хотел...

Пришлось изобразить крайнее внимание. Этого разговора я ждал: чужак, обладающий не только номинальной властью, но и вполне реальным влиянием на группу людей, вынужденно вторгнулся в чужое, очень закрытое общество. Это не могло не вызвать проблем.

– Я не собираюсь что-то от вас требовать, – поскольку на говоруна и болтуна, которого свои же прозвали Баюном, то есть сказочником, едва ли не в первый раз в жизни напало косноязычие, пришлось начинать «серьёзный разговор» мне. – Вам всяко лучше знать, как и что у себя дома делать. Я буду следить лишь за подготовкой материалов и зелий для Войска и вмешиваться только в самом крайнем случае. А если община мне доверит какую часть общего дела – не в ущерб договорённостям, разумеется, – с радостью возьмусь. Тварей я бить, сам знаешь, умею и лечить никогда не отказывался.

А ещё я просто сойду с ума, если местные устроят мне информационный вакуум. Ну не сойду, конечно, но будет неприятно. Понимаю, своим мне не стать – да я и не стремлюсь, но пообщаться с новой мордой и жителям Ключей интересно будет, и мне отдушина. Ну а если попытаются навязать что-нибудь отвратное – староста там или кто у них за лидера ещё? – что ж, метод уговоров путём проветривания кишок я уже проверил. Хотя вряд ли мне грозит обострение отношений – слишком сильно рубежники и зарубежники связаны. Наверняка в деревне я несколько ветеранов найду.

– Нет-нет, командир, даже не думай! – аж замахал на меня руками подчинённый. – Общество тебе и дом найдёт, и содержание справит честь по чести – не впервой же! Мы договора крепко блюдём! Только...

Я беззвучно вздохнул и набрался терпения.

– Староста наш, Неясь, – наконец «родил» отвальный. – Сам когда-то до капитана дослужился, а Филин, значит, его сынком был. И отправлял его, родную кровь, чтобы он офицером вернулся, всему вроде как научил... А видишь, как повернулось.

Баюн наконец поднял на меня глаза, видимо, что-то такое прочёл на моём лице и затараторил:

– Мы ж все с пониманием, знаем, что ты не рвался на филиново место. Так уж вышло-то, Шрам никого не спрашивает, кого пощадить, а кого прибрать. И звание ты получил честно – лейтенанта за одного тигра, лично и в одиночку ухлопанного, дать должны были! И нам помог... но чувства есть чувства, а кровь есть кровь. Ты уж не руби с плеча, коли Неясь что обидное скажет, не сдержит в себе. И наизнанку не выворачивай! И ничего другого... такого... тоже не надо. Он потом извинится, обещаю!

Пфф! Я вытаращился на подчинённого, открыл рот... и закрыл. Да, хорошенькая у меня сложилась репутация, оказывается. С другой стороны, если так подумать... Идиотов из тринадцатого десятка, что зацепили мне плечо стрелой, я едва не прибил на месте. Потом сцепился с интендантом – и месяца не прошло, как разнёс склады, выбивая оттуда овец. Да и потом нарийца именно на складе прикончил – это я понимаю, что другое помещение не подошло бы, а посторонние что подумали? Или та же Карина – все знали, что я её на дух не переношу, а она меня... ну и финал известен. Да и Урсу я уработал, едва он начал что-то там выступать. Э-э-э... упс.

– Буду держать себя в руках, – в итоге только и пообещал я. Баюн, не скрывая облегчения, выдохнул.

* * *

Спуск по внутренней стороне вала в утренних сумерках ничем таким интересным не запомнился, как и первые часы движения через лес, росший уже в Шраме. Даже ставшее привычным на заставе чувство давления дикой магии всё не появлялось, лишь только когда солнце (в кои-то веки тучи разошлись!)

прилично взобралось вверх по небосводу, едва ощутимое давление чужой Стихии на тело напомнило о себе.

Зато видовой состав растений, чем дальше мы уходили на север, тем сильнее менялся, и замешана в этом была не магия, а география и климат. Казалось бы, что может изменить в потоках воздуха в бездонном небе ма-аленькая складочка на лике земли всего-то какой-то километр высотой? А меж тем с этой стороны было куда холоднее, а под ветвями хвойных исполинов от тепла небесного светила прятались целые сугробы. Пусть и тусклая, но всё же зелень хвои заметно оживляла пейзаж, среди веток скакали разноцветные пичуги, несколько раз я замечал белок и ещё какую-то мелочь вроде бурундуков. И плевать им было на всех монстров, вместе взятых, во всяком случае, до тех пор пока те не подбирались слишком близко.

Первые следы деятельности человека я заметил вместе с появлением среди ёлок, сосен и секвой первых кедров. Кто-то очень осторожно, не оставляя «светящихся» свежими срубам пеньков, регулярно расчищал подлесок под деревьями, оставляя под каждым удобные круглые полянки. Впрочем, местами для сбора урожая ландшафтные дизайнеры из Звонких Ключей не ограничились: кусты и низенькие деревца то тут, то там тоже оказались прорежены в разных местах, создавая этакие... то ли волны, то ли коридоры – это с какой стороны посмотреть. Причём «стенки»-волны из растительности второго яруса были дополнительно «укреплены» наваленным вроде бы абы как сухостоем – и в итоге пробиться через препятствие требовало значительного труда. Рапторная белка пройдёт или тот же болотный секач, а вот у кого помельче явно возникнут проблемы. Например, хаски в этой трёхмерной деревянной паутине попросту завязнет: продерётся, но замедлится и шуму наделает. А у дикой горной овцы вообще есть все шансы надёжно застрять по-настоящему надолго. Впрочем, животных, даже не самых умных, не надо считать тупыми – двигаться по пути наибольшего сопротивления они станут только в том случае, если найдётся подходящий стимул.

К моему удивлению, мы-то как раз пошли поперёк «волн» – в них, оказывается, в определённых местах были оставлены проходы как раз под габариты человека. Причём даже сейчас, когда все листья опали – хрен разглядишь. Потом мы пересекли ручей по специально перекинутому бревну, а через десять минут – ещё один. Со второго раза я догадался, что профиль русла, чем-то напоминающего противотанковый ров, тоже творение не одной лишь матушки-природы. Дикому животному любого размера с комфортом ну никак не напиться

из этой вот, с позволения сказать, водной артерии. Бог ты мой, сколько же в эту местность вложено труда?!

– Лес нас кормит и укрывает, – в ответ на мой вопрос пожал плечами Косточка. – Это наш дом. А дом прибирать надобно, ухаживать за ним, понемногу, но постоянно. Тогда веками простоит.

Логично.

Часа через полтора движения по «творчески доработанной» местности я уже себе примерно представлял, чего именно добивались отвальные, «помогая» природе достроить ландшафт. «Волны» из подлеска создавали своего рода распределённый многослойный забор, максимально усложняющий для любой твари движение в определённом направлении. В стороны? Пожалуйста. Вперёд? Всё тяжелее и тяжелее. Если первые ряды «зелёных изгородей» состояли просто из сухостоя и обычных дикоросов, то следующие уже заплетены живой лозой вроде виноградной, оказавшейся ко всему прочему ещё и ядовитой! Вот зачем на подземном складе хранилась целая куча разнообразных, довольно уродливых варежек из толстой грубой кожи – лозы раздвигать. А следующая преграда мало того, что была ядовитой, так ещё и основа – кусты, явно специально посаженные, – была снабжена огромными, но при этом дико острыми иглами! Стоило нам преодолеть и эту, самую широкую защитную полосу...

– Нам точно туда? – невольно вырвалось у меня. Прямо от кустов начинался еловый монолес – то есть ели, ели и ничего кроме елей. Кроны хвойных смыкались, отрезая практически весь дневной свет, под пологом ветвей царил серо-коричневый сумрак: нижние ветви елей отмерли, не получая света, земля была усыпана сплошным слоем бурых опавших игл. Откуда-то из глубин памяти всплыло название «мёртвый бор».

– Туда, – односложно отозвался Баюн. Зарубежники ощутимо волновались, стремясь попасть домой как можно скорее, но всё равно прилежно разровняли потревоженный снег там, где нам пришлось перелезть через сугробы, и опрыскали поверх очередной маскировочной гадостью с резко-хвойным запахом. Ёмкости с этими полезными жидкостями мы тоже позаимствовали со склада.

Последние двадцать минут пути были самыми тяжёлыми. Подсознание, обычно молчащее, буквально вопило, чтобы я не лез в мёртвый бор. А если уже влез – так быстрее выходил наружу! Стоило опушке еловых зарослей кануть за спиной, и я мгновенно потерял чувство времени. Если бы не Печать и компас в руках, с меня стало бы, пожалуй, решить, что мы блукаем тут уже часа два, причём – кругами! Пожалуй, остальные ряды противомонстровой защиты по сравнению с ельником были так, сущими цветочками: твари ведь тоже наследовали от своих нормальных предков поведенческие паттерны и инстинкты и продолжали им подчиняться.

...Тихий звук в ватной тишине хвойной чащи обратил на себя внимание сразу же. Сначала я не мог его опознать, а потом понял: вот оно. Звонкие Ключи назывались так потому, что среди чащи действительно били ключи. Вода журчала, звенела маленькими серебряными колокольчиками во тьме – так, наверное, первые жители деревни и нашли это место. Вряд ли в бор они полезли по своей воле – наверное, вынуждены были укрываться от тварей, решили пересечь поперёк... и услышали этот манящий перезвон.

Стена елей внезапно закончилась совсем другой стеной: это был уже знакомой мне по конструкции частокол – я едва не ударился о него носом. Построена преграда была так, что просвета между деревьями не оставалось, и потому не было никакой визуальной видимой опушки. Демаскировал деревню только звук – я еле разглядел тонкую струйку, пробивающуюся между бревнами и буквально в двух шагах полностью исчезающую в хвое. Отвальные двинулись вдоль стены, пока наконец в ней не нашлась дверь... за которой начинался подземный ход вверх! Короткий подъём в кромешной темноте, ещё одна дверь и...

– Вот мы и дома, – расплываясь в счастливой улыбке, провозгласил сержант.

* * *

Изнутри деревня оказалась до изумления обычной – ну, насколько вообще может быть обычной деревня на искусственно выровненной вершине холма и скрытая среди полного монстров леса. Излишки почвы когда-то засыпали между склонами и частоколом из «вечной» просмоленной древесины, получив ровную, как стол, площадку, поднятую над уровнем леса метров на шесть минимум. На рукотворном плато стояли срубы, крыши их были крыты тёсом, между которыми местные разбили небольшие огородики и даже клумбы, сейчас, понятное дело,

пустые. Сами жители вольного поселения тоже не выглядели как-то прямо сверхнеобычно: ходили преимущественно в домотканом и в знакомых жилетках из овечьих шкурок – в таком виде отвальные под водительством Филина приехали на заставу Сим.

От какой похожей деревеньки в баронствах Звонкие Ключи отличались прежде всего отсутствием неприятных запахов – увы, скотина не благоухает, а тут вроде как и животных совсем не было. Потом я заметил, что печные трубы торчат из земли шагах в пятнадцать от домов – видимо, очаги устроены так, чтобы дымоходы шли под землей, как в коптильнях. Тоже, очевидно, борьба с запахами. Дорожки между домами аккуратно присыпаны песком, да и сами здания, несмотря на кажущуюся случайность расположения, тоже выстроены явно по какой-то системе. Так, а это что? Деревянный подъёмный кран?!

– Лебёдка, чтобы стволы наверх подымать, – проследив за моим взглядом, прокомментировал вполголоса Баюн. – Чащу тоже прореживать надо, иначе плечи будут возникать, да и дома подновлять нужно, а через ходы несподручно брёвна затаскивать. Чай, не шишки в печку кидать... Это, командир. Тут, видишь, общество собирается, видать, и правда гостей давно не было...

– Подожду снаружи, – понятливо кивнул я.

Мужчины и женщины разных возрастов действительно подтягивались к центральному срубам – видимо, большая изба играла роль своеобразной ратуши. На меня косились – но так, с интересом, без ажиотажа: надо полагать, другие зарубежники в Ключах не были редкостью.

– Я в первую голову вопрос поставлю – тебе заселиться, – поделился со мной своей стратегией зарубежник. – Общество дом выделит из пустых, припасы из общинных, а там и побалаболить можно будет уже вволю. А завтра представлю всем уже честь по чести.

– Рассчитываю на тебя, – улыбнулся я. Ну а что? Со своим уставом в чужой монастырь лезть строго противопоказано.

Ждать мне пришлось минут двадцать, не больше. За это время единственным событием стала стайка мальчишек и девчонок, собравшаяся в отдалении и

глазевшая на меня, тихо переговариваясь. Впрочем, стихийный митинг закончился не начавшись – один пацан постарше отделился от толпы и двинулся в сторону «ратуши», а остальные просто разошлись. Когда я в качестве баронета Бертран проезжал деревни своего манора, и то ажиотажа больше было. Я уже было настроился почитать – со своего места разглядел всё что мог, но тут вернулся довольный Баюн.

– Всё удачно прямо сложилось! – с ходу сообщил он мне. – Общество дом тебе приговорило, да не пустой, а сразу с женой, и искать не нужно.

– Что? – Мне показалось, я ослышался. – С женой?

– Говорю же, повезло, – утвердительно кивнул отвальный. – И не придётся с нашими вдовушками сговариваться, те ещё... осенние розы. Два года еду поготовить да одежду стирать-латать – а ныть и подарки клянчить любая станет, словно это ты её уламывал, а не они сами между собой за мужика передрались...

– Баюн, – я надавил голосом, – жена?!

– Раз с тобой жить будет, то почему нет-то? – Отвальный так и не понял, что, мягко говоря, перегнул палку. Очень сильно перегнул. – Да ты и сам не удержишься, красивая она да ладная. Ведьма, конечно, но, я думаю, тебе это как раз по сердцу. Что называется, на одном языке говорить будете.

Я открыл рот. Закрыл. Открыл вновь. Напомнил сам себе про чужой монастырь – не помогло. Попытался как-то рационально сформулировать своё негодование.

– Это вообще нормально? – Нет, нужно не так. – Я же тут, как ты сказал, на два года.

– Бывает, свадебку сыграют чин чином, а потом он или она через два месяца в пасти твари кончится, – как-то совершенно обыденно пожал плечами Баюн. – Это Шрам, мы тут все под ним ходим. Особенно молодые да глупые, как жених Натки – ушёл да сгинул... Ладно, пошли, я тебе дом покажу да Нате обскажу, что да как. А то из ребят сам знаешь, какие рассказчики – половину забудут, а вторую половину переврут...

...

Твою. Же. Мать!

Глава 1

Богатый ли у меня опыт работы в разных коллективах? Скорее, средний. Вот проработавший лет этак сорок непрерывно, уверен, в понимании взаимоотношений между не самыми близкими людьми даст фору многим социологам и психологам. Но и я кое-что могу. Могу, например, понять, какой объём труда вложен в Звонкие Ключи и окрестную территорию. И прикинуть количество жилых домов – тоже не самая сложная задача. Холм-«остров» в мёртвом бору с «набережной» из частокола не очень большой. Застройка на нём, по меркам обычных деревень из королевств, конечно, плотная, но не настолько, как на заставе. Даже если считать, что в каждом доме живёт по одному взрослому мужчине (а это не так), и женщин не сильно больше – Баюн сказал, что они тоже гибнут... Сто – сто двадцать человек дееспособных взрослых обоего пола? Надо полагать, где-то так.

И на эту сотню ложится добыча пропитания – надо полагать, в основном охота и собирательство. И кроме того – бытовые повседневные дела, уход за детьми, обновление построек и частокола, работа с лесополосами. Ключи значительно изолированы от остальных поселений, что зарубежных, что приграничных, это значит, что в логистику и торговый обмен тоже уходит прорва усилий. А что невыгодно везти – делается на месте. Те же ложки, тарелки, ткани для одежды повседневной носки и сам пошив одежды.

Часть трудовой нагрузки можно переложить на детей и стариков – в деревнях королевств так и делают. Что-то отработано настолько, что в итоге требует значительно меньших усилий, чем у человека неподготовленного. Но всё равно объём нагрузки ужасает. И справиться с ней можно только одним способом. Коллективным распределением усилий и тягот с коллективным же контролем результата. Потому что небрежно выполненная работа по формированию ядовитых зарослей – это напавший на поселение монстр, а то и не один. Потому что обрушение частокола, когда ответственный просмотрел гнилое бревно – это демаскировка деревни и опять проблемы с тварями. Неудивительно, что тут

общество приговаривает к браку одинокую женщину. В королевствах феодал рассматривает своих сервов как ресурс, а тут сами общинники вынуждены так воспринимать друг друга.

Н-да. Что-то я такого не ожидал увидеть. Сами отвалыные из моего десятка не больно-то распространялись на тему, что да как дома, а когда всё-таки болтали меж собой – постороннему ни за что не догадаться, какая тут царит жесть! Зато никаких налогов и ни один плащеносец не утащит за косы твою дочь или молодую жену только потому, что мельком увиденная девка приглянулась согреть постель... Иногда мне очень хочется закрыть глаза и проснуться дома – забыть этот проклятый жестокий мир, как дурной сон. Но очень, очень редко. Слишком много у меня теперь здесь «якорей»... Даже ребёнок будет меньше чем через восемь месяцев. В последнее не очень верится, хотя я сам очень постарался, чтобы это событие свершилось...

Пока я прокручивал в голове эти не самые веселые мысли, мы шли. По аккуратно отсыпанным песком дорожкам (чтобы на подошвах из деревни запахи посторонние не вынести?), мимо добротных, ухоженных домов, кое-где скупобсаженных низкорослыми фруктовыми деревцами, мимо упомянутых аккуратных огородиков. Темнело, но теперь я понимал, куда смотреть. Вот окна в домах – все как одно смотрят в сторону центра модифицированного человеческими руками холма. Если внутри кто-то запалит лампу – свет не будет виден снаружи. Но света всё равно почти нет – разве что тусклые отблески очагов, в некоторых домах играющие на потолке. Люди (в основном стягивающиеся к ратуше – общинному дому) скользят в сумерках совершенно беззвучно, привычка – вторая натура, и говорят тихо. Ведь ночью звуки порой разносятся очень далеко...

– Сюда. – В итоге дом, к которому меня привёл Баюн, был на дальней от того подъёма, через который мы вошли в Ключи, стороне деревни. Сержант подошёл к двери... и просто открыл её. Вошел внутрь, даже не думая стучать. Ну да, пресловутая звукомаскировка. Интересно, как они брёвна рубят? Или днём с этим нет проблем? – Натана, ты здесь?

Проклятье, если мне придётся жить в этом доме, нужно будет сделать что-то с темнотой, в которой я ни зги не вижу. Даже сейчас, вечером, внутри только силуэты и различаю!

– Я тут. – Девушку я разглядел только после того, как она поднялась... мм-м, из-за стола? Не уверен, что вообще смог понять, что передо мной женщина, если бы не знал заранее, ну и по голосу. И, кажется, что-то взяла в руки, сумку, что ли? – Случилось чего?

А тембр приятный такой, тихий и спокойный.

– Мужа тебе привёл, обществом сговорённого, – без всяких экивоков вывалил на голову девице новость сослуживец. – Звать Арн, лейтенантом теперь у нас от Войска в деревне.

– Благодарствую. – Кажется, собеседница слегка поклонилась. Судя по интонации, неожиданный «подарок» в виде абсолютно незнакомого человека в мужья её не особо взволновал.

– Мы с товарищами будем в общинном доме обсказывать, как на заставе служилось, – проинформировал соплеменницу разведчик. – Но командир тебе и сам что хочешь поведает, мы под его началом едва ли не сначала были. Арн, я к тебе завтра днём загляну, как устроишься. Со старостой познакомлю... ну, я говорил.

– Я помню, – кивнул ему.

– Что ж, – я прямо почувствовал, как зараза ухмыльнулся, – тогда до встречи. Счастья, хе-хе, молодым!

И спокойно себе ушел. Когда-нибудь я этого придурка стукну за всё хорошее. Больно.

Мы постояли. Помолчали. Ещё постояли и помолчали. Я вздохнул: более дурацкую ситуацию поискать стоит, чтобы в неё влипнуть. Признался:

– Ната, у тебя есть какой-нибудь источник света? Лампа там, хотя бы лучина? Я не вижу в темноте.

Собственно, я уже был готов к ответу «нет» и разжиганию огня магией над своей ладонью, но обошлось. Хозяйка дома почти беззвучной тенью пересекла

комнату, что-то сделала с окном – кажется, закрыла ставнем, судя по звуку и по тому, что даже тусклый вечерний свет пропал. А потом несколько щелчков огнем, разлёт сине-красных искр – и на столе ярким белым пламенем вспыхнули два фитиля. У обычного человека от такого перехода от темноты к свету в глазах ещё долго цветные пятна плясали бы, но мне в очередной раз помогла Жизнь. Я поднял глаза и наконец-то разглядел свою... гм, жену. Хорошо разглядел. И мысленно извинился перед боевым товарищем.

Ната оказалась ростом примерно с меня. Правильные черты очень бледного лица, вроде бы каштановые волосы – настольные горелки ярко полыхали белым пламенем, но я не был уверен, что они не исказили цвета. Думаю, девушка готовилась ко сну – волосы распущены и в таком состоянии ниспадали ниже спины. На одежду пошла всё та же серая домотканая холстина: платье без пояса и неизменная жилетка из овечьей шкуры со шнуровкой, накинутая на плечи, но не завязанная. Впрочем, не уверен, что красавица-колдунья её вообще затягивала – очень мешала главная женская гордость. Два проступающих под платьем полушария... да нет, к чёрту – ШАРА высокой и невероятно манящей груди!

С наличием свободного, не лимитированного доступа в интернет на красивые сиськи насмотреться – проблем нет. Всех возможных размеров, цветов и степени прикрытости. Но вот чтобы вживую и столь идеальной формы... Я честно попытался рассмотреть комнату, то, что стояло на столе, но глаза упорно возвращались к... ну вы поняли. С... сокровище скорее угадывалось через ткань платья, но даже в таком виде взгляд было не отвести. И это всего-то после недели без секса! Думаю, увидь я Нату после года службы на заставе и днём – боюсь, без всякого преувеличения пустил бы слюну. Что случилось бы, если вместо Кары приехала бы добровольцем девушка подобных статей – я даже представить боюсь...

– Я... не рассчитывала на гостей... на то, что будет с кем разделить ужин. – Похоже, Нате надоело изображать из себя столб. Очень, очень фигуристый столб. – Есть немного каши... мужчине наесться досыта не хватит, конечно, но я пока могу ещё приготовить...

Собеседница осеклась, потому что... Потому что она сделала неопределенный жест ладошкой, и то, что под платьем – колыхнулось. М-мать, я виталист – или кто? Блокировка.

– Не утруждайся. – К моему удивлению, даже в таком состоянии поднять глаза получилось с некоторым трудом.

– Тогда... – Жена посмотрела на меня с мелькнувшей в глазах лёгкой растерянностью. Я наконец заметил на её щеках едва заметный румянец. – Пойду приготовлю наше супружеское ложе.

И машинально поправила волосы.

Так. Печать снимать не буду, иначе до означенного ложа просто не дойду, а на столе, кажется, что-то нужное для хозяйки дома лежит...

* * *

Стихия Жизнь творит чудеса. Как большие, вроде мгновенного исцеления смертельной раны, так и мелкие, можно сказать, бытовые. Что делает обычный человек, просыпаясь? Подскажу: наталкиваясь спросонья на мебель, бредёт в туалет – сбросить, так сказать, накопившийся за ночь балласт. А что делает виталист, способный при помощи Печати тонко контролировать собственный организм? Притормозив низменные физиологические нужды, сколько душе угодно прижимается к разметавшейся на простынях жене например. Или, наслаждаясь мягкостью перины и теплом женского тела под боком, прокручивает в памяти события вчерашнего вечера. М-да.

Накрыло меня вчера вечером знатно – не сказать чтобы мозги отрубил начисто, но думать я мог преимущественно только в одном направлении. Поутру у меня даже возникла мысль о внешнем воздействии. Но – нет. Мало того, что соображение разбивалось об элементарную логику – собственно, зачем? – я ещё и банально почувствовал бы попытку магического вмешательства. А биохимическое воздействие, сдвигающее гормональный баланс, спровоцировало бы Печать на активное противодействие. Опять же, афродизиак – обычно довольно сложное вещество, и сделать его газообразным без цвета и запаха уже само по себе кажется не особо реальным... Это если не считать факта, что «воздействие» не выключилось после блокировки эмоций. Короче, сам, получается, справился, своими, гм, скромными силами. Зато теперь, наутро после постельных подвигов, я всё-таки разобрался в первопричине столь бурной реакции. Вспомнил.

Каждый подросток в нежном возрасте, познав радости полового созревания, но не познав прелести самого процесса, неизбежно грезит в предвкушении. И невольно более или менее подробно придумывает себе некий идеал возлюбленной. Кто-то видит в своих мечтах вполне конкретных реальных знакомых и не очень красавиц, кто-то – некие обобщенные образы, а кто-то собирает себе, как я, некую мечту. Чтобы, значит, на талии ладони смыкались, а волосы цвета воронова крыла обязательно ниже попы, и чтоб сама задница... гхм. Обычно после первых реальных опытов, да и просто с возрастом мечта блекнет, постепенно стирается из памяти... Но вот, как выяснилось – не до конца.

Внешне Наташа (да, я уже переделал местное имя, опять) от подростковой моей мечты отличалась цветом волос, и талия у неё была не такой тонкой – всё-таки живой человек, а не фантазия. Ещё я не уверен был насчёт черт лица, в смысле – не уверен, что вообще о них тогда думал. Потому что сейчас образ из памяти чётко слился с девушкой, безумно мило спящей рядом. Учитывая, что вчера между нами было, на Земле я бы уже помчался делать бутеры на завтрак и заваривать кофе для пресловутой доставки в постель. Но здесь, в чужом доме... с другой стороны – а почему нет? У зарубежных даже печи противодымные, но конструкция не должна быть настолько сложной, чтобы умный человек (вроде меня, да-да) не разобрался бы, как следует подумав. А Ната как раз оценит, как я для неё расстарался... тьфу, блин. Кажется, я поторопился, посчитав, что меня отпустило!

На самом деле, думаю, кроме выживших юношеских грёз что-нибудь этакое сотворить меня под руку подталкивал ещё один факт: стыдно признаться, но я вчера едва не облажался! Нет, не то, что вы подумали – с контролем собственного организма я справился лучше некуда – я же всё-таки виталист как-никак. Проблема внезапно оказалась в другом. В магии. Я к ней, оказывается, привык. Привык настолько, что сам за собой этого особо не замечая, спокойно себе использовал даже в этом.

Любой мужчина, если он только не конченный эгоист и не менее конченный идиот, старается не только сам получить удовольствие от секса, но и сделать хорошо партнёрше. Если не из понятной мужской гордости, то хотя бы ради возможного повторения процесса с этой же партнёршей. Безусловно, есть дамы, что и сами хоть куда... В смысле справляются, а не то, что вы подумали! Хотя по странному

стечению обстоятельств «хоть куда» для вышеозначенных особ справедливо во всех смыслах... и позах... тьфу, блин! Короче. Нормальный мужик постарается сделать всё, чтобы его женщине было хорошо – и точка. А современный землянин обычно даже представляет, как это сделать. Правда, тут мне повезло с миром-реципиентом: здесь я узнал реально много нового.

Помните моего приятеля Пака, с которым мы ещё вместе лабораторки по нормальной физиологии делали, а я ему за это в борделе время от времени ассистировал при оказании медицинских услуг клиентам? Кроме магического аналога пластической хирургии мой однокурсник занимался ещё и работой с фертильностью (восстанавливал детородность или наоборот), но основным его занятием было тупо приведение клиентов и обслуживающего их персонала в готовность. Та ещё работёнка, но первокурснику-негражданину в Лиде иначе было и не заработать. Кстати, пока я не подался в Рению, зарабатывал Пак едва ли не больше меня, причём не рискуя головой на охоте...

Короче, все нужные приёмчики я подсмотрел и запомнил. И использовал. Сначала в сложных ситуациях – типа секса на дне земляной ямы на ещё тёплом трупе лисицы хаски. Ну вот хотелось мне, чтобы у Тани остались только приятные воспоминания от окончания того «приключения». А потом незаметно втянулся и стал читерить. Здорово же, когда не надо угадывать, какой тип предварительных ласк сейчас нужен твоей партнёрше и ей становится хорошо от каждого твоего касания? Вот и вчера я, как только Наташа позвала меня к расстеленной постели, начал действовать в привычном ключе. Впитья губами в податливые губы, одной рукой скользнуть по бедру, другой нетерпеливо сжимая божественную грудь... Хорошо хоть, остатков мозгов хватило понять: что-то идёт не так!

Нет, я не забыл, что меня женили не на ком-нибудь, а на колдунье. Но одно дело держать в голове факт, а другое – совсем не чувствовать исходящего от девушки давления магии. Стихия свободно стекала у меня с пальцев, не встречая преград, проникала в тело красавицы... и исчезала, словно тонула в чёрном омуте! Ни волн, ни завихрений, вообще без следа! У меня аж мозги прочистило ненадолго. Достаточно для того, чтобы понять: во-первых, своим активным домогательством я Нату не особо возбудил, а во-вторых, зарубежница в принципе не очень понимает, что ей делать. Примерно как Рона, когда был наш первый раз. Но моя красавица-эльфийка зато горела энтузиазмом научиться, а вот колдунья... м-да. Словно выполняла свой долг. Хотя почему –

словно? Общество приговорило – она сделала. М-мать.

Пришлось сдавать назад, попутно объясняя, что я потерял голову от её красоты. Минут десять я рассказывал, почему моя жена такая красивая, пока наконец не добился появления румянца на щеках вновь – всё ещё слабого, но уже сильнее, чем раньше. Дальше настал черед поглаживания, первых медленных поцелуев, постепенно перешедших в более жаркие под более смелые и прямые ласки, а потом... Через достаточно длительное «потом» я всё-таки заставил её кончить! Семь потов сошло, в смысле сошло бы, если бы не моя Стихия. Сладкая победа после длительной осады.

* * *

Когда сквозь щель в единственном ставне пробился первый тусклый серый луч, я всё-таки встал. Разглядел наконец выражение лица супруги – такое беспомощное и одновременно милое, что захотелось немедленно прижать девушку к себе и... В общем, решил не быть свиньёй и дать человеку поспать. Работала бы на ней моя магия – никаких проблем, и сон разрушить бы не дал, и диагностику заодно провёл, а то не нравится мне эта анемичная бледность. Но раз нет, то ограничился тем, что аккуратно подоткнул толстое тёплое одеяло. В доме понемногу стало холодать – дрова в печи прогорели. Кстати, я бы и поесть не отказался. Virtuозная готовка на печи всё ещё не входила в число моих несомненных талантов, но с простейшими блюдами вроде всё той же каши я даже на костре справляться научился, а тут настоящий очаг, прямо роскошь. Ну или хотя бы разогрею то, что Ната вчера упоминала...

Надо сказать, что изба ведьмы не отличалась огромным количеством комнат: были сени, или как там называется короткой тамбур перед дверью, чтобы тепло удерживать, и собственно изба из одной комнаты. Ложе, правда, отгораживалось плотными занавесями, но это, по-моему, было больше для тепла, чем от нескромных взглядов. Это всё, что я вчера разглядел, потому сегодня мне предстояло ознакомиться с бытом отвальных подробнее. Но сначала – ставень долой, и да будет свет! Без деревянной «занавески» видно стало получше, но тоже не сказать чтобы прекрасно. Оконце не отличалось величиной, и стекло в нём было настолько мутное (именно мутное, а не грязное), что я, как ни старался, ничего на улице не разглядел. Так, ладно. Теперь печь, потом еда.

Печь мне искать не пришлось, но только потому, что я успел разглядеть вчера здешние дымоходы. Местные действительно в прямом смысле закапывали свой источник тепла в землю, прямо под пол сруба, так что для доступа к топке пришлось спуститься на несколько выложенных из более-менее отёсанных диких камней ступеней ниже уровня первого этажа... а потом разбираться, какая из грубовато выкованных металлических дверок за что отвечает. Четыре штуки – это не слишком до фига для такой конструкции? Вроде не паровоз, к чему столько сложностей? Хорошо хоть, ещё не совсем прогоревшие остатки вечерней закладки дров в одной из камер подсказали, куда совать новое топливо, а то мог бы и оплошать. На заставе что с плитами для поваров, что с отопительными печами в казармах всё как-то попроще было... Так, этот пункт вроде всё. Еда?

Поднявшись опять на уровень пола первого этажа, я попутно смахнул сажу с рук вместе с частичками щелушенного магией верхнего слоя кожи – разумеется, аккуратно пошитую варежку-прихватку я заметил только после того, как перепачкался обо всё, что только можно. Внимательно огляделся по сторонам... Ещё раз внимательно огляделся. Отмахнулся от желания потрясти головой – вряд ли от этого горшки, кастрюли или хотя бы тарелки с ложками материализуются. Хотя – ну вот куда их можно упихать в комнате едва ли двадцать квадратов размером? В монументально выглядящий сундук? В две большие корзины в углу с плетёными из прута крышками? Под ставшим этой ночью супружеским ложем?

«Тупо сожри остатки сухого пайка из вещмешка и не парься», – подсказал мне встроенный в подсознание каждого мужчины «помощник». Но я, конечно, его не послушал. Мешок, впрочем, так и брошенный вчера у входной двери в компании с волчьим плащом и копьём я проверил – так, в порядке рекогносцировки. Учёт доступных активов лучше вести с хорошо знакомой части.

Стена, в которой была сделана входная дверь, Наташей была отведена под вешалку для самой верхней одежды и оружейную стойку. Логично, одобряю – в казармах Войска точно так же было. Осмотр этой части комнаты получился интересным: я выяснил, что моя благоверная владеет луком, не таким монструозным, как у зарубешников-мужчин, но тоже довольно мощным. Кроме лука на заботливо вбитых аккуратных деревянных крючках висел серп, который я сначала отнёс к инструменту, а не к оружию, и только потом разглядел крепление на рукояти. Н-да, насадив на плечо лука остро отточенную

металлическую загогулину, можно было получить штуку в каком-то смысле пострашнее копья. С другой стороны, может быть, это была просто этакая разборная коса? Вроде разумно, не таскать же с собой по далеко не безопасному лесу каждый раз дополнительную не особо нужную палку, если ещё одна такая же болтается у тебя за плечом?

Так и не придя к какому-то окончательному выводу, я пожал плечами и подошёл к столу – второму сильно выделяющемуся после кровати предмету в доме. По пути заглянув в одну из корзин, оказавшуюся банальной заменой комода. Рыться в чужом белье я, конечно, не стал. Немного засомневался насчёт сундука, но и тут решил махнуть рукой – логично хранить в таком протосейфе нечто ценное, а ценное – совсем не то, что хочется показывать первому встречному. Даже если он внезапно стал мужем.

За столом вчера Натана действительно пряла – именно так, как я себе представлял этот процесс по полузабытым детским сказкам. Специальную тяжёлую напольную деревянную подставку с такими шипами венчала неопрятная куча шерсти. От которой отходила довольно толстая нить, другим концом навитая на веретено. Нежные женские пальчики вручную свивали отдельные волоски в пряжу, а из пряжи можно было потом, например, вязать. Да уж, занятие для очень терпеливых людей. С другой стороны, чем ещё в деревне можно заняться одинокой женщине длинными тёмными вечерами? Читать? Не смешно даже. Вязать разве что, но для этого как раз пряжа и нужна...

Задумавшись, я машинально подхватил со стола один из светильников, осмотрел со всех сторон... и выкинул из головы все дурацкие мысли про шерсть. Внимательным взглядом оглядел поверхность стола и что на ней расставлено, опять светильник, точнее, именно что горелку – и покачал головой. Надо же, чуть не повёлся на весь этот сельский колорит: домотканая одежда, безрукавки со шнуровкой, прялка... и полноценная портативная алхимлаборатория рядышком. Ну а что хозяйка использует вместо пробирок и чашек Петри слегка разномастные баночки из всё того же мутноватого стекла – может, ей и впрямь так удобнее. Лабораторная посуда бьётся почём зря, а когда и расплавляется ненароком, если чего-нибудь не то смешать.

* * *

Я успел больше двух часов проработать с бумагами, прежде чем Натана проснулась. Она прошуршала одеждой у кровати и вышла из-за задёрнутых мною для тепла занавесок полностью облачённой.

– Доброе утро. – Я на секунду оторвался от записей, постаравшись максимально тепло улыбнуться.

– Утро, – спокойно, чуть задумчиво кивнула мне она.

И всё. Я опять уткнулся в записи, благоверная занялась вознёй по хозяйству. Спустилась к печи, что-то сделала с дровами, потом вышла на улицу и вернулась с чугуном, потом... честно говоря, я перестал следить. Насколько мне было интересно разобраться тут со всем с утра, настолько же я сейчас горел желанием выплеснуть свои мысли на бумагу. Что, вообще говоря, само по себе было не самым нормальным желанием, но... Пожалуй, сейчас, как никогда, я имел право на небольшой задвиг.

Год назад, выезжая из Лида, я не очень хорошо себе представлял, во что ввязываюсь. Да что там – не понимал вообще. Всё, что я слышал о легендарных защитниках Горловины до получения собственного личного опыта, относилось к Войску Рубежа примерно так же, как относится реальная жизнь рыцаря к сюжету рыцарского романа. Я, правда, благодаря своим «приключениям» в герцогстве Берг немного ознакомился со средневековой гвардией королевства Зар – кстати, через лучших, на полном серьёзе, её представителей вроде герцога Эдмонда. Но не в обиду будет сказано – войска королевств и в подмётки не годятся настоящей армии, Войску Рубежа.

Собственно, потому-то рубежники и могут противостоять атакам изменённых без чудовищных потерь в живой силе, так характерных для всех остальных вооружённых формирований, законных и не очень. И дело не во владении оружием и не в выучке, и даже не в чудодейственных снадобьях отвальных и условно-подконтрольных мутациях части личного состава. Нет, причина прочности и силы Войска в том, что оно – Структура. Ну или Система – уж как кому больше нравится. Против потока разрозненных чудовищ сражаются не отдельные люди, а единый организм. Армия. И это действительно меняет всё.

На Земле силу Структуры давно, так сказать, «распробовали». Любой ставший мало-мальски успешным бизнес прежде, чем пытаться развиваться дальше, строит свою Систему – необходимость этого настолько общеизвестна, что большинство моих земляков даже не задумываются, зачем это нужно. Политические партии, профсоюзы, те же армии государств, да и сами государства – всё это постоянно окружает нас с детства, привычно, как воздух. И примеры того, как развал Структуры или просто неэффективность способны помножить на ноль все усилия, все капиталы – тоже перед глазами.

Во многом мой быстрый прогресс по службе в Войске, да и в Лиде до этого, объясняется моей внутренней готовностью и умением быть частью Системы. Да, республика – тоже Структура, государство в прогрессивном понимании этого термина. И там я тоже неплохо так поднял свой социальный статус: всего за два с половиной года – от нищего гражданина до выпускника университета, почти готового повелителя Жизни! Помните, как я ныл сразу после попадания, что мне не досталось никакой суперспособности попаданца, про которую так любят писать в фэнтезийных книгах? Каюсь, ошибся. В отличие от абсолютного большинства людей этого мира, для меня естественно быть частью целого. Не объединения равных, не союза индивидуальностей, но, как я уже сказал выше, организма!

Знаю, что вы скажете: самое место и время, блин, чтобы забивать себе голову разными полуабстрактными рассуждениями! Но нет, именно сейчас – и место, и время. Я ведь лишь второй раз за все годы пребывания в этом мире оказался вне всех здешних Структур. В первый раз – это когда я в баронство Бертран ездил... и тогда я едва не обзавёлся женой, кстати. Второй раз, хех, отвертеться не удалось. М-да. Ну, как бы то ни было, я сейчас ещё раз вырвался из привычной для себя среды обитания и теперь мог более-менее взглянуть на свою жизнь со стороны. И это важно. Очень.

Быть частью Системы – настоящей Системы, а не бледного подобия, как у местных аристо – это значит намеренно загнать себя в некие рамки. Став частью организма, нельзя остаться полностью самостоятельным. И чем больше твоя персональная роль в Структуре, тем меньше остаётся возможностей для свободы манёвра. Ну хотя бы потому, что каждое твоё действие повлияет на все остальные элементы Системы. Как пример – президент страны на Земле: вот уж кто себе лишний жест, даже лишнюю улыбку позволить не может. Каждый мах ладошкой снимут на камеры с шести сторон, и потом аналитики будут неделю

статьи калякать...

Вот это вот, про что я сказал абзацем выше, я в полной мере прочувствовал на себе, попав на службу в Войско. Я привык быть эффективным на своём месте, ведь именно эффективные работники продвигаются по службе. Был хорошим менеджером в родном мире, старался стать хорошим виталистом в республике. Избавился от баронства (Себе чего врать-то? Именно избавился, даже не попробовал отстоять права), едва понял, что хорошим землевладельцем-феодалом мне не стать. А попав в рубежники, постарался стать хорошим солдатом, сержантом, офицером. И мне – о да, это удалось.

Строго говоря, лейтенантскую лямку мне толком и не пришлось потянуть. Вряд ли охота на волков и целительский рейд можно назвать обычной офицерской службой. А вот сержантской доли хлебнул, что называется, от души. Какая, как вы думаете, основная обязанность младшего командира? Рулить, так сказать, своим десятком? Хренушки! Командование отвальными у меня занимало процентов этак десять от общего времени. Всю остальную занятость мне обеспечивала рутинная работа внутри Системы – обеспечить подчинённых довольствием, тренировками, бытовыми удобствами и расходными материалами (от стрел до портянок). Причём не один раз обеспечить, а непрерывно поддерживать – потому что только так можно обеспечить боеготовность вверенного личного состава на должном уровне. Голодные и замёрзшие солдаты такого навоюют – лучше впереди них в пасти тварей прыгнуть!

Знаю, звучит не так уж сложно, но... как бы объяснить. Вот представьте себе какой-нибудь механизм: шестерни вращаются, передавая усилия друг другу. Но чтобы эта механика не клинила на каждом обороте – нужно машинное масло. Нет его – и всё встанет, если не чего похуже. Так вот, масло – это младшие командиры и есть. Крутись как хочешь, но твоя шестерёнка-десяток должна работать на своём месте и работать эффективно. Но если все шестерни исправны – махина Войска, словно стальной каток, способна раскатывать в тонкий блин порождения Шрама! Кстати, если вы думаете, что офицерам, особенно старшим, проще, – забудьте. Они в этой Системе – двигатель.

Вот потому мне приходилось заниматься, казалось бы, такой далёкой от службы хренью, как перегонка браги, лечение других солдат, борьба с интендантами и прочими активными телодвижениями – обеспечивал и играл роль смазки. Итог – убитый мною при участии отвальных тигр и спасённая застава. Не в смысле укрепункта – я про выведенных Бассом людей. Не справился бы он без меня, а я

не справился бы с нарийцем без Баюна, Косточки и остальных, по моему приказу полезших почти в прямом смысле слова совать голову в пасть тигра. И всё замечательно вроде... вот только у меня совершенно не оставалось времени не то что на семью, ждущую меня в Лиде, – на самого себя. Едва находил возможность читать конспекты – в час по чайной ложке, но хоть так. Про записи об омоложении организма даже не заикаюсь – там разбираться надо было. Зато натренировался оперировать едва ли не с закрытыми глазами и без скальпеля. Тоже достижение... только вот какое-то не то. Не из тех, что я планировал для себя хотя бы год назад.

Структура – это такая ловушка, из которой чрезвычайно сложно выбраться. На Земле можно выбрать свою Систему... поначалу. Потому что чем выше ты поднимаешься по иерархии, тем больше Структура становится частью тебя. Как пример – тот же Ромар: вот уж воистину плоть от плоти Войска. Власть у него приличная, но о чём-то постороннем он в принципе не думает. Кажется, я понял, почему Горец до сих пор ходит в лейтах и лошадям хвосты крутит... и почему маги так старательно отгораживаются от аристократических недогосударств. Недо-то они недо, но постепенно развиваются. Структура, в которой место человека определяется его навыками, знаниями и способностями управлять подчинёнными, куда эффективнее местнических междусобойчиков дворян.

Кстати говоря, верный способ спустить в унитаз Систему – начать сверху ставить на места своих родичей или хотя бы знакомых. Так развалился Советский Союз – руководящая партия стала вести себя как аристократия. Так корпорации терпят многомиллиардные убытки – только потому, что папа поставил сыночка командовать каким-то там направлением своего бизнеса. Вот у рубежников такой хрени нет: ослабить себя – значит скормить тварям Шрама. И у республики нет – повелители Жизни выстроили такую структуру, что родственные связи для граждан не значат вообще ничего. Интересно, как обстоят дела у Белых, ведь Церковь – это третья Система этого мира. Может, у них с этим проблем больше, иначе бы Белые давно показали всем кузькину мать...

...Возвращаясь к вопросу достижений и Систем. Структуры – как люди: тоже развиваются. Медленно, но это происходит. Хорошо, когда тебе по пути с Системой или в целом по пути. Или хотя бы возможен компромисс. Но быть частью Лида, поставившего во главу угла ещё не очень явный, но фашизм, мне совершенно не хотелось. Раньше я думал, что, поднявшись наверх общества республики, смогу что-то поменять, но теперь это выглядело для меня

сомнительным. Спасибо Войску – служба помогла прочистить мозги. Я ведь, уезжая из Лида, не собирался становиться рубежником по духу. Собирался найти себе уютный, безопасный уголок и просто пересидеть три года при лазарете, формально выполнив требования Кристиана. Собирался, да. Вот только вышло всё с точностью до наоборот. Это служба отформатировала мне мозги.

Нет, я не забыл, что хотел ранее, и не посчитал былые цели ненужными. Я про само отношение к жизни. Виталист Арн на любую проблему смотрел как на научный вопрос. Исследования, эксперименты, анализ – и решение. Блистательный офицер Арн (врать-то себе не нужно – не просто так я плащик пошил из трофейного меха, понтов захотелось) на проблемы смотрел куда проще: обойти, уничтожить, обратить в преимущество. Подруга решила устроить едва ли не суицид. Вот тебе маленького в подол, займись делом. Корчмарь дерзит? За кишки его. По белке можно и из ручной гаубицы шмальнуть – две задачи решить за раз. Красивая девка, которую коллективное руководство деревни назначило женой? Так в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

На самом деле то, что я сорвался на Наташе – это было закономерно. Слишком уж сильно образ офицера на меня не подходил, постоянно давил на сознание. Перманентный стресс в течение года – ну и естественная для молодого организма реакция. Первый раз – на стене с Кариной – ещё можно списать на случайность. Второй раз – закономерность. И это ещё цветочки. В Рении я определился, чего же хочу от жизни, а теперь, похоже, настало время решить, каким я хочу быть. По уму надо бы наоборот, но где ум – и где экзистенциальный кризис. Так, кажется, это называется? Твою ж мать, вот не ожидал, что однажды вляпаюсь в такое... такое. А мне ведь, если годы на Земле в зачёт пускать один к одному, уже за сороковник... или как раз наоборот – пора?

Все сложные проблемы я привык решать с бумагой и карандашом и в этот раз не стал изменять своим привычкам. Достал листы, нарисовал схемы, подбил пункты – и сразу легче на душе стало. Почти три часа угробил, чтобы всё разложить по полочкам. Зато когда есть формализованное описание задачи – решение найти значительно проще. Пусть это займёт несколько дней, да даже недель.

Правда, ответ я могу дать прямо сразу – про это в моём первом мире написано столько книг, что не «подглядеть» его было сложно. Быть собой. Ведь я не персонаж из RPG-игры, мне не нужно выбирать, кем быть – магом, менеджером

или рубежником. Они все – это я. Но одно дело сказать и записать, и другое – понять, как это сделать...

Хлопнула входная дверь, и в комнату вошла Натана, неся перед собой ещё одну корзину с крышкой. Я сообразил, что она вышла минут двадцать назад – куда-то уходила от дома. Девушка аккуратно утвердила с позволения сказать плетёный контейнер на полу рядом со столом, откинула крышку и выставила передо мной... тарелку. Обычную глиняную тарелку, довольно неплохую: ровную, поверхность покрыта глазурью. В королевствах далеко не каждый себе может позволить такую, многие с деревянных едят, и ничего. Тем временем ведьмочка достала и поставила вторую тарелку на то место, куда, видимо, хотела сесть сама. С сомнением посмотрела в угол, где стояли её корзины – кстати, абсолютно идентичные этой, – и выудила из ёмкости ложки. Ещё раз с сомнением посмотрела на получившийся натюрморт, сняла полотенце с крючка на стене, вернулась и протёрла посуду.

– Я не очень хороша в хозяйстве, – призналась мне жена, поскольку я продолжал за ней наблюдать. Девушка немного помялась и попросила: – Скажи, если что не так. В последний раз тарелками пользовалась перед тем, как Наставница ушла, а это было восемь лет назад...

Не будь за моей спиной бревенчатой стены – был бы риск упасть с лавки.

– Я... скажу, – осторожно согласился я. Помолчал, но любопытство пересилило: – А как тогда?...

– Из чугунка. Ложкой.

А... Ну, логично.

– Я научусь... Наверное, – подумав, как-то не слишком уверенно пообещала благоверная. И выложила из корзины прямо на стол небольшую головку сыра. Следом появился кусок копчёного мяса, пучок похожей на петрушку зелени. Ведьма взялась за нож и начала нарезать сыр – да, прямо на столе. В десятке сантиметров от лабораторных склянок и горелок. Нет, понятно, что стол в доме один и места тут не до фига, но...

– А больше тарелок не было? – когда Натана взялась за мясо, не выдержал я.

– Были, – девушка моргнула. – На общинном складе их много.

Видимо, она что-то поняла по моему лицу, так как, опустив глаза, тихо призналась:

– От меня потому назначенный обществом жених сбежал.

– Баюн говорил, что он вроде на охоте погиб? – припомнил я. В ответ мне досталось невыразительное молчаливое движение плечом – видимо, «думай что хочешь».

Н-да. Тяжёлый случай. Кажется, всякие личностные кризисы придётся временно отложить. Восемь лет, а сейчас ведьмочке на вид восемнадцать-девятнадцать. Это она ребенком единственного опекающего её взрослого человека лишилась, я правильно понял? И община, такая дружная и такая властная, что решает вопросы брака, а отдельные личности даже вякнуть не смеют – ничего не сделала? Отвальные, мать вашу! Да что у вас тут вообще происходит?!

Глава 2

Готовила Натана... в общем, вчерашняя каша определённо не стала бы украшением меню ресторана на Земле или королевского стола тут. С другой стороны – желания поморщиться тоже не возникало. Впрочем, я бы удивился, если бы алхимик оказалась плохим поваром. И уж точно я не собирался привередничать после года жизни на заставе. Кстати.

– А мясо с сыром тоже с общинного склада? – работая ложкой, между делом поинтересовался я. Логичный вывод, ведь девушка выудила их из корзины после тарелок. То есть положила в корзину продукты до посуды. Почему-то мой простой вопрос вызвал у Наты странную реакцию: она даже есть ненадолго прекратила, явно подбирая слова.

– Я обычно не хожу на охоту, – наконец осторожно ответила она совсем не то, что я спросил.

– Об этом я догадался. – Я кивнул в сторону расставленных рядом склянок, одновременно пытаюсь понять, почему фраза была сформулирована именно так. – Охотников в Ключах достаточно, а зельевар только один... один ведь?

– Зелье... вар? – совсем уже озадаченно отозвалась собеседница.

– Тот, кто готовит зелья, – не менее озадаченно отозвался я.

– Их все готовят. – Теперь Натана определённо заподозрила, что поняла меня как-то не так, но, похоже, не смогла понять в чём. – Кроме маленьких детей.

– Я имел в виду: ты в деревне единственная ведьма? – «перевёл» я. – Слышал, зелья только ведьмы делают.

– В посёлке не может быть больше одной ведьмы, – похлопав ресницами, проинформировала меня красавица. Таким тоном, будто я спросил что-то, что каждый ребенок знает. Впрочем, тут Наташа сообразила, что я в Ключах первый день, и дала расширенную справку: – Наставница уходит, когда ученица становится ведьмой.

Ага, вот и причина, почему благоверная столько времени прожила одна.

– И зелья не варят... – как-то беспомощно посмотрев на меня, добавила супруга.

Я скопил глаза на горелку, потом на жену, так за всё время разговора и не притронувшись к еде. Предложил:

– Давай кушать? Поговорить и потом можно.

Натана не смогла сдержать вздох облегчения.

После завтрака поговорить не вышло: супруга занялась домашними делами, и я вновь разложил свои бумаги. В этот раз не потому, что была настойчивая внутренняя необходимость, а чтобы не смущать Натану: под моим взглядом она начинала заметно нервничать. А посмотреть было на что.

Мытьё посуды с песком я уже видел – крестьяне в королевствах по возможности экономят на всём, включая довольно дорогое для них мыло. Но вот чтобы грязный песок потом засыпали в печь на прокаливание и пережигание органики – до такого только зарубежники додумались! Кстати, вот и ещё для одного отделения печки я узнал назначение.

Печка, кстати, была ещё более непростая, чем я думал. Ладно, дым – проходя по длинной наклонной подземной трубе, он охлаждался, а система деревянных решёток внутри наружного конца дымохода прекрасно справлялась с осаждением пепла. Но ведь и запаха не было! Может, магия?

– Ната, ты умеешь делать амулеты?

Полные душевной муки глаза.

– Нет. – Девушка ещё немного напряглась и дополнила, видимо, чтобы я и в профильном мастерстве не посчитал жену неумехой: – Наставница не учила.

«Не учила, потому что не умела сама?» – хотел спросить я, но не стал. Наташа определённо тяготилась моим вниманием к себе, и неудивительно. Что-то у нас общение не складывается от слова совсем – словно на разных языках говорим...

– Я пойду посмотрю, как Баюн и остальные устроились и чем занимаются, – на всякий случай предупредил я, собирая бумаги и пряча в сумку. Чем вызвал очередной облегчённый вздох и признательный взгляд. Н-да. Будет тяжело.

* * *

Пошёл я, разумеется, не к Баюну, а к общинному дому: засранец-подчинённый на радостях от возвращения домой как-то забыл объяснить, где тут искать себя и заодно остальных. А я вчера был так сильно под впечатлением от сверхскоростной свадьбы, что забыл спросить. Мой косяк и довольно большой –

мы ведь по Уставу действующая военная часть, опорный пункт. Ну ничего, язык, как говорят у меня на родине, до Киева доведёт. Но прежде чем расспрашивать, надо понять – о чём. Не исключено, что я многое и сам пойму, если осмотрю деревню. Тем более мне, как офицеру, положено знать, где тут что и ориентироваться на местности.

Пока я неторопливо шагал по направлению к центру Ключей, мне пришла в голову ещё одна светлая мысль, и к цели я двинулся максимально круглым путём. Ну действительно, это для меня – утро, а для деревенских рассвет – это уже «после завтрака». То, что Наташа так проспала – всего лишь результат моих скромных усилий (закономерный, о да!), а так дома даже в самый выходной день сельские жители, уж поверьте, не сидят. Потому хотят мои подчинённые того или нет, но кого-нибудь из них я обязательно встречу по дороге. Узнаю про остальных, заодно заставлю полноценную экскурсию провести.

Погода для середины зимы всё ещё стояла просто замечательная – тучи по-прежнему не спешили проливаться дождём, просыпаться снегом или и то, и другое одновременно. Я успел отдохнуть с дороги, утренняя работа с бумагами помогла разгрузить наконец голову – а про неценимую женскую помощь жены в разгрузке кое-чего другого тактично промолчу. Неудивительно, что я наслаждался каждым шагом, полной грудью вдыхая чистый, свежий, пронзительно пахнущий хвоей воздух. И настроение с каждым шагом становилось всё лучше и лучше.

Я молод, чёрт возьми! Я опять молод, но не растерял своих навыков и знаний. И у меня есть хороший шанс эту свою молодость растянуть настолько, насколько это возможно. А ещё я, без ложной скромности, силён: большинству тварей со мной один на один не справиться. А против остальных у меня есть артефакт. Это ли не причина смотреть в будущее с оптимизмом? Конечно, люди могут доставить столько хлопот – никакие мутанты и рядом не стояли, мне ли не знать. Непонятно, что делать с семьёй – у меня сын скоро родится... или дочка. Но неужели я – и не справлюсь?!

Под такие мысли улыбка сама собой выползает на лицо, а любое море становится по колено. Встречные отвальные, глядя на меня, или сами начинали тихонько улыбаться, или хотя бы переставали хмуриться, некоторые приветственно кивали. Никто не удивлялся – за вчерашний вечер весть о чужаке в Звонких Ключах успела разлететься между всеми жителями, так что

незнакомец идентифицировался ими без труда.

Зарубежники, как я и думал, не сидели сложа руки – кроме меня празднующихся не было. Кто-то нёс куда-то знакомого вида корзины – надо полагать, их специально плели одного размера, кто-то возился рядом со своим домом, мне пришлось обойти стайку маленьких детишек, со смехом больше играющих с песком, чем подновляющих полотно пешеходной дорожки. Троица женщин разного возраста занималась огородом, формируя из притащенной кем-то в мешках земли новые гряды, причём не просто насыпая продолговатую кучу плодородной почвы, а внося из отдельной тары внутрь какой-то порошок, не иначе как удобрения.

Несколько дюжих мужиков, среди которых я разглядел знакомую могучую фигуру Косточки, возились с лебёдкой – «подъёмным краном». Вчера мне эта конструкция показалась монументальной, но на поверку, как и земной подъёмный кран, видимо, была быстроразборной. Иначе на другой конец деревни механизм было бы ни за что не перетащить – по крайней мере, так быстро. От стрелы спускался толстый канат, его как раз крепили к буквально светящемуся свежей просмоленной древесиной толстому, заточенному с одной стороны на манер карандаша бревну. Судя по тому, что крепили за тупую часть, элемент своеобразной стены-«набережной» намеревались не просто вкопать, но еще и вбить в грунт, как сваю.

– Командир, – снайпер меня тоже заметил.

– Не знаешь, кто из наших более-менее свободен? – Я не стал задавать глупых вопросов типа «а что вы тут делаете?» – Чтобы показал мне тут всё и объяснил.

– Свободен? – Мужик задумался, почесал в затылке, посмотрел, как застропленное бревно и без него начали поднимать на тросе, зачем-то огляделся по сторонам, посмотрел на небо и махнул рукой: – Я сам тебя повожу. Только нету у нас чего-то особо интересного, чтобы особо рассматривать...

* * *

– Давай сначала на общинный склад. – Пока Косточка решал, с чего бы такого начать экскурсию, я перебрал известные мне варианты и остановился на этом.

Место хранения чего-либо вряд ли можно назвать туристической достопримечательностью, но я как-никак офицер и всё ещё на действительной службе. Пусть проконтролировать меня очень сложно, но придерживаться простых правил мне тоже ничего не стоит. А правило такое: командир должен точно знать, что, в случае чего, у него имеется в распоряжении. И как можно скорее начать шевелить извилинами в попытках добыть то, чего нет.

– Склад так склад, – с облегчением кивнул Косточка. Вот уж не ожидал, что он так загрузится от моей простой просьбы.

То, что подсобное по большому счёту строение не может быть достопримечательностью – это, оказывается, я поторопился. Склад, вход в который обнаружился рядом с общинным домом, был подземным и живо мне напомнил ту пещеру, где мы ночевали на вершине вала. И склад был... большим. Нет, не так: охрнительно большим для деревни, где и трёх сотен человек нет! Ещё и спуск как в бункер: длинный пандус, поворачивающий несколько раз, и аж трое промежуточных даже не дверей – ворот.

– Озеро здесь было, на вершине холма, а снизу ключи били, – рассказал отвальный. – Сначала предки канал прокопали да осушили, потом ключи отвели по стокам – сами-то родники слабые. А потом, значит, крышу сколотили из лиственницы, которая тут же и росла – она не гниёт. А сверху землёй, что аккурат с вершины сняли, когда лес вырубил. Тут и жили, хоронились всем обществом, пока частокол не сладил. А как сладил – окончательно верхушку выровняли и дома нормальные строить принялись.

– Дела-а... – Меня опять слегка придавил масштаб сделанного. – А в других деревнях как, где холма такого уникального не было?

– Так где как, – не удивился вопросу Косточка. – Я ещё мало где был, не Баюн, чай. У западных наших соседей, Ветрило их деревня кличется, все дома на платформах в кроны деревьев подняты на эльфийский манер. Там секвойи такие – никакому овцебыку не свалить! Качает там, правда, когда ветер задует... Живот прихватывает просто ой – а местные ничего, только ржут. А те, что с востока, из Горелой Балки, распадок нашли, да как мы, крышей перекрыли и засыпали. За лето после большого выплеска, говорят, справились. Теперь над ними лес растёт такой же, что и окрест: не знаешь – ни за что не догадаешься. Они, кстати, знай

себе продолжают копать – это у нас тут-то особо расширяться некуда...

– Ну и ну, – представив себе описываемое, я только и смог, что выдавить из себя парочку междометий. В голове у меня устойчиво крутилось слово «ниндзя», но, кажется, наши земные шиноби начисто здешним простым крестьянам проигрывали. По крайней мере, их так называемые «скрытые деревни», когда наёмники уж больно сильно достали то ли сёгуна, то ли императора, самураи очень даже спокойно нашли и разрушили на фиг [5 - Арн неправ, точнее, не совсем прав – ниндзя сами себя прекрасно выпилили, правда, действительно не без помощи власть предержащих. В 1603 г. сёгун Токугава, вполне логично рассудив, что организация ниндзя может быть использована против него недовольными исходом войны даймё, спровоцировал два крупнейших клана ниндзя, Кога и Ига, на противостояние. В результате к 1604 г. от общества ниндзя остались немногие, которые впоследствии присягнули на верность лично сёгуну.].

– А иначе никак, – правильно поняв причину моего удивления, невесело объяснил Косточка. – Когда большой выплеск – только незаметность и спасает. Заставы рубежников и те не выдерживают – а нам-то? С детьми да жинками с оружием себя защитить не выйдет. Это из приграничья есть куда бежать, если совсем невмоготу, да и родственники в северных королевствах там у всех, а нам деваться некуда. Потому и деревни сотнями лет на месте стоят, а новые если и строят – я о том не слышал. Потому как проверенные временем те, что есть.

– Дела... – повторил я.

* * *

Осмотр склада затянулся даже сильнее, чем я думал. Уж слишком много в подземном зале сложной формы (видимо, повторяющей ложе спущенного озера) было всего.

– Косточка, вот скажи мне, – зародившиеся ещё утром подозрения у меня сформировались в стойкую уверенность, – вы что, всю посуду и вещи, ставшие ненужными, на общинный склад оттаскиваете?

Сотни уже знакомых тарелок, а также кружек, блюдец, кувшинов занимали несколько стеллажей. Тут же рядом стояли чугунки, сковороды, можно было подобрать в комплект ложки и даже редко используемые за пределами Лида вилки. И не сказать, что всё это выглядело как новенькое: чистое – да, в хорошем состоянии, но никак не более того.

– А что, в избе о них спотыкаться? – искренне удивился зарубежник. – А ежели тарелки понадобятся, так мне сходить и не лень.

– А плащи и жилеты? – Я махнул рукой в сторону вешалок, на которых были аккуратно расправлены упомянутые одежды.

– Ну тут, понятно, дома держу, пока зима. Чтоб по холоду, как дурак, каждый раз не бегать. – Похоже, снайпер не очень понимал суть моих расспросов. – А если ты про эти, так то умерших одёжка или кто про запас сшил.

Меня слегка покорило такое уравнивание, но виду я не подал.

– А если твой запасной плащ кто-то возьмёт, случайно? – Тарелки все были абсолютно одинаковые, не считая степени износа, не вдруг различишь. Так что я решил спросить о более личных вещах.

– Если только с большого перепою, – поскрёб в затылке рядовой. – Но так он вернёт, как прочухает. В своём ходить всяко удобнее.

Ну да, логично: в Ключах все друг друга знают, было бы странно вести учёт. В конце концов, куда тут можно деться?

– А та одежда, которая больше своим владельцам точно не понадобится? – продолжал гнуть свою линию я.

– Если подойдёт, так бери! – Косточке показалось, что он меня наконец понял.

– А если я чужое по незнанию возьму? – изобразил сомнение я.

– Так зима сейчас, если кому не нужно лишнее зимнее, так лучше пусть другому тепло будет, – заверил меня лучник. – Ну или если хочешь, чтобы точно на тебя

по меркам сшили, Натке своей скажи, она бабам размеры обскажет, материал всяко есть.

– И никто не обидится? – на всякий случай уточнил я. – Я могу просто взять, что нужно, отсюда, ни с кем не согласовывая?

– Конечно. – Снайпер энергично кивнул и скривился. – Я ить так не смог понять, зачем на заставе на каждый чих бумажку марать надо было. И Филин не понял покойный – так и сидели без горячего, пока тебя к нам в отряд не перевели.

...На улицу я выходил под впечатлением. Пока повелители Жизни обустроивали себе уютенький фашизм, отвалыные без особой помпы построили натуральный коммунизм в отдельно взятом селе. Или, скорее, сёлах – что-то мне мой провожатый про соседей ничего такого не сказал, был бы там другой уклад – обязательно ввернул, что там, мол-де, всё не как у людей. Зашибись.

– Тута мы, значит, собираемся, если нужно чего решить. – Общинный дом, как оказалось, изнутри состоял из одной большой, вытянутой вдоль комнаты. Всю середину занимал длинный стол и лавки. – Ну и сбедаем сразу же, если затянется-то.

В качестве иллюстрации своих слов снайпер положил на столешницу прихваченную со склада колбасу и сыр.

– Место старосты? – Я указал на единственный стул в торце стола с дальней от входа стороны. Теперь, после разговора под землёй, я смотрел на эту минималистичную простоту совсем другим взглядом: сделано только то, что нужно, и ничего более.

– Это когда как, – развёл руками лучник. Мне вообще показалось, что он нервничает, хоть и старается не показать. – Обычно староста вопросы разбирает, но ежели нужно, скажем, отряд послать опасную для деревни тварь уничтожить или ещё какой внешний вопрос решить – то ярла сажают, военного вождя сиречь.

– То есть у деревни есть мирный и военный лидеры? – уточнил я и скорее для себя вслух прокомментировал: – Придётся не только со старостой контакты налаживать... Чего?

– Ну... как бы... – почему-то начал путаться в словах верзила, отводя глаза. – Раньше-то воинов из самых сильных охотников отбирали, бабки врут, что их бабки ещё и ритуалы выбора помнили. Да только давно уже на такие вылазки рубежники из числа своих ходят. Мы же, сам знаешь, учёные и как лучше знаем...

– А ярлом считается командир опорного пункта, который обычно тоже из местных, – вдруг дошло до меня. Так вот почему за моё – чужака! – внимание к себе должны были передрасться местные вдовушки! Вот почему Наташа безропотно приняла моё назначение себе в мужья – не какой-то там хрен с горы, аж целый вождь! – Ну и когда вы мне собирались об этой «совсем не интересной» подробности сообщить?

– Так сказал вот. Баюн просил, если что, тебя сюда к полудню привести – обещал, что Неяся, нашего старосту, к сему моменту дождёт, значит, тебя признать, – сдал сержанта с потрохами Косточка. – А то ведь великое нестроение выйдет, если традицию, предками данную, порушить.

Ну, охренеть теперь!

* * *

Сержант, а если в терминологии армий королевств, то десятник – самый младший командир. В его прямом подчинении всего горстка рядовых, часто даже меньше десяти. При определённых условиях сержант может ограниченно располагать «чужими» солдатами – но только пока рядом нет их десятника. В общем, очень небольшая шишечка на ровном месте. Но это если смотреть со стороны или с позиции офицера – а вот для своих подопечных младший командир подобен горе, что заслоняет Солнце! И не только потому, что способен превратить жизнь «своего» рядового в сущий ад, но и потому, что может сделать эту же жизнь куда как комфортнее и спокойнее. В любой армии второй навык очень ценится, но и без первого, даже командуя самыми лучшими солдатами, увы, не обойтись. Хотя бы для того, чтобы «наловить» посторонних рядовых на работы, которыми своих напрягать не желаешь.

С сержантским шевроном на рукаве я топтал сапоги почти целый год, так что волей-неволей превзошёл армейскую «науку». Потому не стоит удивляться, что зашедший в общинный дом следом за хмурым стариком Баюн аж сбился с шага, поймав мой добрый и многообещающий взгляд. Мастер-класс от бывшего сержанта действительно? Легко. Тем более я тут, оказывается, целый военный вождь, а не просто какой-то там лейт, которых в Войске сотни. Великие деревенские интриганы ещё наплачутся от своей же хитрожопости слёзками в кулак размером!

Нет, ну серьёзно – нельзя было заранее объяснить? С другой стороны, надо признать: я бы ключевских зарубежников точно сразу же послал далеко и надолго со всей этой закулисной политической борьбой в стакане воды, и уговаривать им пришлось бы меня долго. Именно политической – у общины девяносто пять процентов имущества в коллективной собственности, староста рулит экономикой всей деревни разом и ничего лично для себя с этого не имеет. Кроме реальной власти. Которую, как я понимаю, Баюн зачем-то решил слегка отжать.

И ведь всё просчитал, сорока болтливая! И что на других жителей Ключей мне, образно выражаясь, болт положить, и некая власть над деревенскими на фиг не сдалась, а потому не будет использована ради личной выгоды и во вред соплеменникам... вообще, скорее всего, не будет использована. И что при этом от нужд своих боевых товарищей я просто так не отмахнусь, сломав им их игру. Ну да, так, конечно, проще: чем объяснить и уговорить – втянуть втёмную, ещё и красавицу-жену в постель оперативно пропихнуть в качестве и дополнительного повода ввязаться, и своеобразного аванса. После всего, через что мы вместе прошли, после всего, что я для них сделал – ничего реально серьёзного в ответку я по такому ничтожному поводу, конечно, не учиню. По крайней мере, не сразу – мне тут два года куковать, я дурак, что ли, кардинально портить отношения со своими соратниками? А к концу срока контракта уже так и так остыну. Ну, Баюн, махинатор хренов, я страшно отомщу!.. Если не лень будет сначала придумывать, а потом реализовывать эту «страшную» месть, конечно. Ладно, чего там от меня надо...

Староста по имени Неясь, отец покойного Филина, был убелён сединами, носил длинную бороду и при ходьбе опирался на посох... М-да. Даже мне, чужаку, с первого взгляда было ясно: внешность-то обманчива. Во-первых, «посох» при

ближайшем рассмотрении оказался всё тем же боевым луком – вон и тетива вокруг верхнего конца обмотана. Во-вторых, двигался пожилой мужчина столь легко и непринуждённо, что становилось ясно – палка ему в общем-то не нужна и таскается с собой лишь ради статуса. Ну и опять же, что-то мне подсказывало: если я попытаюсь просканировать своей магией этого типа, найду в его организме множество аномалий, относящихся к стихии Тьмы.

Староста довольным, мягко говоря, не выглядел. А вот Баюн едва ли не светился от плохо сдерживаемой улыбки... пока меня не увидел. Прожал, значит, старика, как и планировал, и даже по времени почти не опоздал к полудню. Ну-ну. Неясь прошествовал через весь зал, постукивая посохом-луком, аккуратно оставил оружие в углу и уселся на свой стул во главе стола. Косточка и Баюн расселись по лавкам, пришлось и мне последовать их примеру.

– Укхм. – Я едва не хихикнул от неожиданности, настолько похоже на сову ухнул старикан. – Ну?

– Наш лейтенант, Арн, – бодро представил меня сержант, старательно не встречаясь со мной взглядом.

– Болотный, значит, – переименовал моё имя на свой лад старый пень... и хотел бы я сказать – «трухлявый», но нет, пень был из тех, о которые на моей родине трактора ломали.

– В Горловине нашего командира прозвали «Волчья Погибель», – в тон седому «подсказал» командир неполного десятка разведчиков.

– Ухф? – Глава Ключей наконец-то соизволил посмотреть на меня. Я не стал поправлять нашего штатного «сказочника», что погибелями обозвали вообще-то всех отвальных под моим началом – кроме, кстати, него самого. Пока мы выбивали и потрошили волков-мутантов у второй линии, кое-кто отлёживался в госпитале.

– Не против, если меня будут звать просто Огоньком, – хмыкнул я... и, подчиняясь душевному порыву, зажёл над левой ладонью язычок пламени. Полюбовался на него – и демонстративно «прихлопнул», ударив рукой по столешнице. Да-да, дешёвый пафос самого низкого пошиба, как он есть. Но раз уж меня втянули в действие, напоминающее пьесу, поставленную в заштатном

провинциальном театре – почему бы и самому не поразвлечься? – Знаете, не люблю болота. И всё, что из них вылезит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Правильно говорить «бронебойными боевыми частями», но простим Арну отсутствие знания терминологии.

2

И опять простим Арну прогулянную в школе физику, а сценаристам спецэффектов фантастических фильмов и компьютерных игрушек – желание сделать выстрел более зрелищным. Разумеется, никакого луча при выстреле из лазера ГГ не увидел бы, разве что попытался бы стрелять через дым или туман. Впрочем, для наблюдения подобного эффекта лазерного пистолета не нужно – достаточно будет обычной лазерной указки.

3

Если кто не знает, у дикорастущих орехов чередуются урожайные и неурожайные года. А раз в несколько лет бывает по-настоящему большой урожай – это зависит от погодных условий в период формирования завязей. Лещина таким вот циклам подвержена сильнее, кедр – слабее.

4

Слово «поезд» появилось значительно раньше, чем железная дорога, с которой теперь поезда неразрывно ассоциируют. Поезд от каравана отличается тем, что это стихийно организовавшаяся группа повозок, движущаяся друг за другом, зачастую случайные попутчики вообще имеют различные конечные цели своего движения.

5

Арн неправ, точнее, не совсем прав – ниндзя сами себя прекрасно выпилили, правда, действительно не без помощи власть предержащих. В 1603 г. сёгун Токугава, вполне логично рассудив, что организация ниндзя может быть использована против него недовольными исходом войны даймё, спровоцировал два крупнейших клана ниндзя, Кога и Ига, на противостояние. В результате к 1604 г. от общества ниндзя остались немногие, которые впоследствии присягнули на верность лично сёгуну.

Купить: <https://tellnovel.com/sergey-plotnikov/yarl>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)